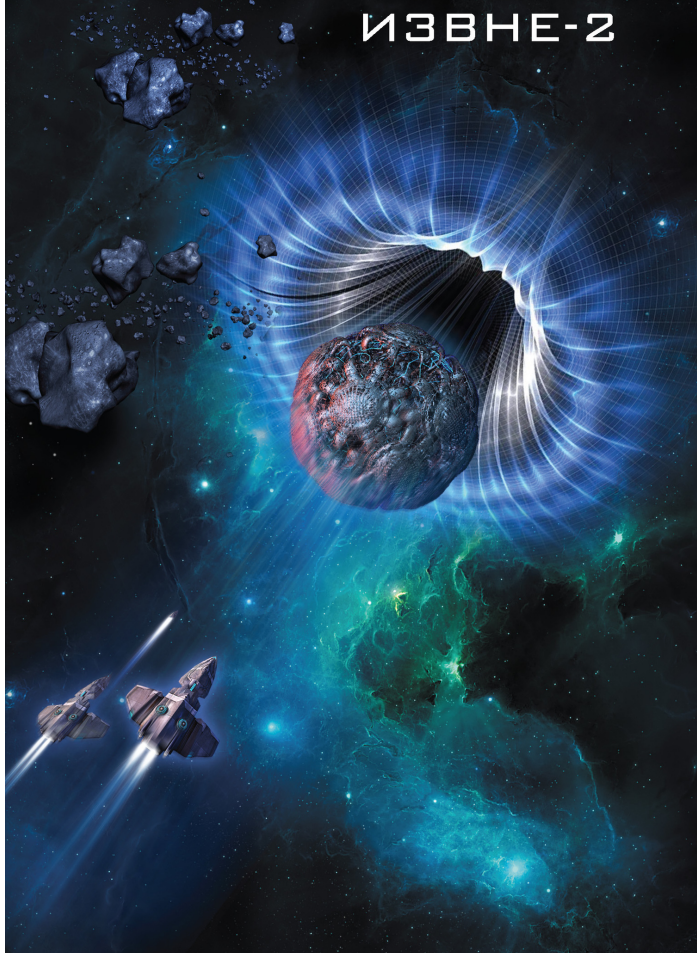

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЁВ

ИЗВНЕ-2

Василий Васильевич Головачев

Извне-2 (сборник)

Серия «Контрразведка: Future»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35019943
Василий Головачёв Извне-2:
ISBN 978-5-04-094816-1

Аннотация

Агрессивные пришельцы, именующие себя Знающими-Дорогу, впервые в своей истории получили достойный отпор. Спейсер «Ра» с отрядом контрразведчика Руслана Горюнова на борту отправляется в Дальний космос, чтобы заткнуть «дыру», через которую захватчики проникают в нашу Вселенную...

Экспедиция землян к ядру Галактики в поисках союзников против Знающих-Дорогу заканчивается неудачей. Серые и Черные цивилизации не желали объединиться против агрессоров, сметающих на своем пути все живое. Потеряна связь с экипажем спейсера «Ра».

В каких мирах сражается теперь Руслан Горюнов и его боевая группа – остается только гадать...

Содержание

Человеческий фактор	5
Глава 1	6
Глава 2	32
Глава 3	48
Глава 4	69
Глава 5	83
Глава 6	107
Глава 7	129
Глава 8	142
Глава 9	166
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Василий Головачёв

Извне-2

Разработка серийного оформления А. Саукова

© Головачёв В. В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Человеческий фактор

*Мне всегда хотелось узнать, что будет, если
неотразимая сила наткнётся на непреодолимую
преграду.*

А. Кларк. Фонтаны рая

Глава 1

Превентивные меры

Драккар медленно опускался в расщелину между ледяными утёсами Долины Гейзеров, подчиняясь мысли Воеводи-на, задумчиво разглядывающего округлую махину Энцела-да, сверкающую под лучами далёкого Солнца, край колец Сатурна и угольно-чёрное небо в острых шипах звёзд. Са-мого Сатурна видно не было, драккар уже почти целиком опустился в расщелину, и гигантская окольцованная планета пряталась за тушей пятисоткилометрового спутника, имею-щего под толстым ледяным панцирем водяной океан.

Сверкнули две серебристые капли спутников системы контроля базы «Сокол-3», принадлежащей сверхсекретной сети внешней контрразведки Службы безопасности Солнеч-ной Федерации. О существовании базы на Энцеладе знали только ответственные лица контрразведки, и подобная сте-пень секретности оправдала себя в свете последних событий, когда построенный землянами между орбитами Марса и по-яса астероидов Суперструнник решили использовать в сво-их целях пришлые существа – Знающие-Дорогу-Не-Терпя-щие-Возражений или, иначе, служители Вируса Инферно.

«Сокол-3» остался нераскрытым разведсетью Знаю-щих-Дорогу и сыграл существенную роль в схватке с ни-ми, оставаясь надёжным убежищем для работников секто-

ра контрразведки и базой для её космофлота. Именно отсюда стартовал к Оси Зла в созвездии Кентавра спейсер «Ра» с командой Рудольфа Маккены на борту, чтобы убедиться в конкретности замысла Знающих. Миссия оказалась успешной и позволила спецподразделению контрразведки «Сокол» справиться с атакой жестоких пришельцев.

Однако проблема ещё не была решена полностью, деятельность Знающих продолжалась, их агенты и главный резидент всё ещё оставались не выявленными контрразведкой, и Воеводин, начальник «Сокола», размышлял над этим, пока мощный катер нёс его в глубины Энцелада, сделав круг над спутником по желанию пилота.

«Ра» с экипажем из десяти человек стартовал с базы «Сокола» на Нереиде, небольшом¹ спутнике Нептуна, две недели назад, но прислал всего лишь одно сообщение, утверждающее, что всё идёт нормально, он продолжает полёт к Большой Дыре в пространстве, откуда в земную Мета вселенную и выбирались Знающие-Дорогу, после чего замолчал, что тоже не добавляло оптимизма руководству контрразведки, потому что БОХ – Бомба Хаоса – до сих пор оставалась на тройном Кеплере, а её ещё надо было запустить вслед «Ра», чтобы спейсер сбросил устройство в горловину Большой Дыры и навсегда перекрыл доступ чужим в мир людей.

Что точно произойдёт после взрыва БОХ, не знал никто. Консультант «Сокола» физик Шапиро сделал несколько

¹ Диаметр Нереиды = 340 км.

предположений насчёт этого, но и он не был уверен в своих выводах на сто процентов, признавшись, что теория и практика редко идут нога в ногу. И хотя его идеи как раз частенько выходили за рамки М-теории, объединившей модель «суперструн» и квантовую гравитацию, даже он шутил, что созданные человеком физические спекуляции отражают лишь уровень его невежества, добавляя при этом:

«Истинно лишь Священное Писание, да и то лишь потому, что так утверждает Священное Писание».

Кабину драккара обняла тьма.

Воеводин очнулся, мысленно скомандовал киб-пилоту:

– Садимся.

В глубине расщелины перемигнулись огни посадочной эспланады.

Аппарат камнем упал вниз сразу на двести метров – на состоянии пассажира это никак не отразилось, в кабине поддерживалась искусственная гравитация, – и с ходу вонзился в ледяное дно расщелины, созданное маскер-системой базы. Его подхватили силовые багеты грузового отсека и посадили на серый круг ангара с цифрами «01».

Открылся «сфинктер» аппарата, вынося из кабины единственного пассажира, опустился «языком» на клинкглассовый пол ангара.

Воеводин сошёл с «языка», пожал руку встречавшему драккар Грымову.

– Все прибыли, – деликатно напомнил ему замглавы «Сокола», невысокий, белобрысый, неприметного облика, не чок и не брутального вида мачо, скорее «ботаник», как называли таких парней девушки, что, впрочем, не мешало ему решать сложнейшие задачи, стоящие перед защитной системой всей земной цивилизации.

– Прошу прощения, – глянул Воеводин на стену ангара, на которой светились цифры отсчёта времени – общесолнечные, по меридиану Москвы, столицы Федерации, и местного значения: в Москве и на Энцеладе цифры совпадали – шёл девятый час утра; а назначил он встречу всем участникам операции «Нечеловеческий фактор» ровно на восемь.

– Прогулялся вокруг Энцелада, – добавил Воеводин, – этот ледяной мирок мне почему-то симпатичен.

– Потому что он сохранился в первозданной чистоте, – сказал Грымов. – В отличие от многих других спутников. Везде частные компании возводят усадьбы, Луна вообще превратилась в загородную резиденцию олигархов.

– Может, ты и прав. Строят где хотят и что хотят. Даже на Венере с её жарой² и на Меркурии появились частные владения.

– Человечество превратилось в отвратительный конгломерат частных бизнес-кластеров, не подчиняющихся определённому государству, несмотря на реализацию совместных проектов типа строительства Суперструнника. Никто не

² Температура воздуха на Венере +4000° по Цельсию.

хочет заботиться обо всей системе, важны только шкурные интересы собственного бизнеса. Вас не посещают вопросы: зачем мы радуем за всё человечество, если оно не требует этого? Дерёмся насмерть с пришельцами, действующими в русле тех же замороженных отморозков?

Воеводин собрал морщины на лбу.

Взошли на круглый постамент пронзающего лифта, за минуту перенёсшего обоих к центральному ядру базы, где располагались лаборатории, каюты жилого сектора и центр управления. Здесь же находился и личный рабочий модуль начальника базы, в котором главу «Сокола» ждали приглашённые.

– Не задумывался. Тебя-то почему вдруг занесло в эту область?

– Я разговаривал с одним чиновником в Комбезе, он меня и спросил.

– Что ты ответил?

– Мы не можем иначе.

– Ну, правильно ответил.

Дверь модуля скользнула в сторону. Воеводин вошёл первым, поздоровался с каждым из присутствующих, сел за стол, по которому бежали строки бланк-сообщений, оглядел внимательно-ждущие лица пятерых мужчин и двух женщин.

Начальника базы среди них не было, совещание было закрытым, и он покинул кабинет, оставив включённой всю аппаратуру обслуживания.

Тадеуш Гицгер, директор Федеральной контрразведки, на совещании также не был приглашён. Несмотря на неучастие в деятельности команды завербованных Знающими-Дорогу людей, он не проявил себя решительным и ответственным человеком, и в «Соколе» к нему относились с прохладцей, как к временщику.

– Буду краток, – начал совещание Воеводин. – Положение архисерьёзное. Нужно принимать срочные меры, и я надеюсь, что вы подскажете необходимые шаги. Мсье Леблан, от ваших... мм-м, коллег из МККЗ по-прежнему нет вестей?

Леблан, начальник отдела космоконтроля ФАК (Федерального Агентства контроля за опасными исследованиями), две недели назад многое сделал для контрразведки, будучи агентом Межгалактической Комиссии по контролю исполнения Законов бытия, однако после срыва планов Знающих-Дорогу вселённый в него резидент МККЗ исчез, и Люсьен Леблан превратился в обыкновенного человека, хотя и знающего подробности вмешательства галактической миссии в дела землян.

– Пока ничего, – виновато сморщился француз.

– Перечисляю наши проблемы. «Ра» молчит. Посылать груз с бомбой некуда, финиш-объём не обеспечен. Эксперты возятся с ней, но шансов обезвредить бомбу у нас практически нет. Делали её негуманы, и для исследования устройства инициации потребуются не недели – месяцы, если не годы. Это первое. Второе: Знающие отступили, но их отступление

мне почему-то кажется затишьем перед бурей. Главный их эмиссар-координатор остался в Системе, и он нам неизвестен. Допросы уцелевших агентов – Сердюкова, Бодхи, Продля и «шестёрки» рангом ниже ничего не дали.

– Мы работаем, – тихо возразил Грымов, восприняв слова Воеводина как упрёк.

– Я никого не обвиняю. Констатирую факты. У кого-нибудь из присутствующих появились светлые мысли, способные вывести нас из тупика?

Все посмотрели на Шапиро.

Ведущий специалист Института нестандартных физических проблем, вечно занятый разговорами со своим терафимом³ или с инками Института, тряхнул шапкой выующихся непокорных волос, оторвался от внутреннего самосозерцания.

– Извините, я что-то пропустил?

– Мы даже не знаем, что такое БОХ, – со слабой улыбкой проговорила секретарь Комитета безопасности Федерации Ани Санта.

– Бомба Хаоса, – изогнула брови Ярослава Тихонова, командор Федеральной Погранслужбы. К моменту совещания она уже прошла курс лечения после нахождения в плену у агентов Знающих и приступила к исполнению служебных обязанностей.

³ Терафим – персональный чип-секретарь, вживляется под кожу головы или крепится под волосами на теменной части черепа.

– Да, бомба, однако мне так никто и не объяснил, что происходит при взрыве такой бомбы. Кстати, кто первый предложил назвать это устройство Бомбой Хаоса?

– Ну, я, – не смутился Шапиро. – Судя по состоянию континуума в районе обитания «пылевигов», там действительно никаких материальных конструкций – звёзд, планет и даже элементарных частиц – не осталось. Впрочем, как и от цивилизации «пылевигов» в целом.

– Почему ты использовал термин «хаос»?

Шапиро поморщился.

– Название действительно не совсем удачное, но тогда мы не знали, что происходит, и не анализировали последствия атаки «пылевигов». Хаос в классическом понимании этого определения, в противоположность порядку, есть бесформенная совокупность материи и пространства. Но в системе «пылевигов» наблюдается иное состояние континуума – не беспорядок, плазма, кисель всех видов частиц и излучений, а полное исчезновение материи, вплоть до кварков. Осталось лишь облачко разбегающихся фотонов. Поэтому хаосом это состояние назвать нельзя.

– Чёрт с ним, как ни назови, результат один – пустота. Можно было бы назвать бомбу Бомбой Полной Пустоты, хотя это не имеет значения. Каким образом устройство Знающих генерирует эту самую пустоту в гигантских объёмах?

– Иные законы, иная мерность, – сказал Исфандияр Бодха; к известию о том, что его брат Исфардари, будучи совет-

ником президента СОН⁴, служил резиденту Знающих, он отнёсся по-философски спокойно. Исфандияр тоже был физиком, специалистом в области космологии, но работал в Азиатском бюро исследований и даже принимал участие в предыдущем походе «Ра» к Омеге Кентавра.

– Чтобы объяснить вам основы расчётов Знающих, – сказал Шапиро, – как мы это понимаем, хотелось бы прочесть краткую лекцию по базовым физическим теориям. Иначе вы ничего не поймёте.

Воеводин встретил весёлый взгляд заместителя, про-ворчал:

– Только не увлекайтесь, Всеволод. Нам не нужны головоломные рассуждения и терминология вашей учёной братии.

– Постараюсь на пальцах. Как известно, наша Метавселенная зарождалась десятимерной. После периода сверхбыстрого инфляционного расширения, длившегося ничтожную долю секунды⁵, семь из десяти измерений свернулись в «суперструны» с планковскими⁶ размерами, оставив для будущего три пространственных и одно временное измерение.

– Вы немножко искажаете ретроспективу, Всеволод, – сказал Бодха с вежливым укором.

– Я не искажаю, я упрощаю, хотя истина при этом остаётся неискажённой: все «лишние» измерения нашего континуума

⁴ Союз Объединённых Наций.

⁵ Порядка $1,6 \times 10$ в минус тридцать третьей степени сек.

⁶ Порядка $5,6 \times 10$ в минус сорок четвертой степени см.

скомпактифицировались.

– Ну, положим не все, есть другие гипотезы...

– Исфандияр, прошу вас, не начинайте дискуссию, – прервал физика Воеводин. – Как говорил Спиноза, нет такой истины, которую нельзя было бы исказить. Продолжайте, Всеволод.

– Я не знаю, по какой причине Знающие выбрали для экспансии нашу Метавселенную. Могли бы занять одну из соседних, пустую по причине отсутствия там вещества. Могли бы создать искусственный Биг Бум с инфляционной фазой, которая также раздула бы гигантский пузырь пустого пространства.

– Может быть, это им не под силу? – хмыкнул Грымов.

– Судя по применяющимся ими технологиям, они способны на многое, раз создали Ось Зла из ста одиннадцати звёзд, соединив их фермами, и гигантские антенны из «кристаллизованного» вакуума. На мой взгляд, они просто пошли более простым путём: наш метагалактический домен, который люди гордо называли Вселенной, уже готов к употреблению, его не надо создавать, надо только очистить его от материи, чем и пытаются заняться наши оппоненты. Налицо не гибкий конфликт интеллектов, увлечённых разными идеями, но способных на компромисс, перед нами конфликт жёстких базовых программ, в том числе логических, этических и психологических. Знающие-Дорогу живут иначе и мыслят иначе.

– Объясните, – потребовал Воеводин.

– Легко. Наша Вселенная рождена по дихотомическому закону «да – нет», который ассоциируется с психологически неразрешимым соотношением «добро – зло». Но во Вселенной Знающих возможна иная расстановка противоречий и согласий: да – может быть – допустимо – нет – категорически неприемлемо – расплывчато и так далее. Понимаете? Это ксенологика, имеющая множество нюансов и оттенков. Рамки же нашей логики и ещё больше этики неприменимы к их деятельности и целеполаганию. Точно так же, как этика муравьиной кучи, потревоженной человеком, неприменима к деятельности человека, за исключением одной моды – закона сохранения вида. Кстати, можно было бы поразмышлять и на эту тему: не есть ли деятельность Знающих реакцией на деятельность человека в будущем? Ведь уже сейчас можно утверждать, что мы несём в космос не идею толерантности и дружелюбия, а неприятие чужого мнения и агрессию. Вдруг Знающие з н а ю т будущее и решили сыграть на опережение?

Шапиро замолчал.

Присутствующие в кабинете начальника базы задумались. Не спешил прерывать молчание и Воеводин. Первым заговорил Грымов:

– Я не ксенопсихолог, но ваша концепция спорна.

– Очень спорна, – подтвердил Бодха кротко.

– Я и не спорю, что она спорна, – снисходительно улыбнулся физик. – Однако нам есть о чём подумать в этом аспек-

те. Вернёмся к хаосу. Поскольку Вселенная Знающих столкнулась с нашей, в этом месте – в трёх миллиардах световых лет от Млечного Пути – возникла Большая Дыра в пространстве, в которую засасывает поток галактик. Но ведь Вселенная Знающих наверняка имеет другой состав констант и законов! Уже есть свидетельства. Может быть, их пространство четырёхмерно, в том смысле, что у них проявлены и стали протяжёнными четыре измерения, а не три, как у нас. Или, наоборот, развёрнуты другие, а длина-ширина-высота – свёрнуты в «суперструны»! Я даже допускаю, что и время у них многомерно, а не линейно, как у нас.

В кабинете снова стало тихо.

– Давайте вернёмся к Бомбе Хаоса, – предложил Грымов.

– Я как раз приблизился к теме. Возможно, Знающим не понадобилось выдумывать энергоначинку для Бомбы, тротиловую, ядерную или какую-либо другую, они просто запаквали в брандер объём своего вакуума, который для нашего континуума является новым законом, отменяющим старые, свёртывающим наши измерения и развёртывающим дополнительные, присущие континууму Знающих.

Грымов с уважением окинул раскрасневшееся лицо физика восхищённым взглядом.

– Вы меня поражаете, Всеволод!

– Не только вас, – усмехнулся Бодха. – Меня тоже. Он очень креативно мыслит.

– Я понял, – очнулся от раздумий Воеводин. – Внутри

БОХ – вакуум Вселенной Знающих, так сказать, сгусток их физических законов, и при его инициации начнётся стремительное расширение этих законов с нейтрализацией наших измерений и развёрткой чужих. Так?

– Неплохо сформулировано, генерал, – похвалил Воеводина Шапиро. – Я бы не сказал проще.

– А что происходит в Омеге Кентавра? Ось Зла тоже превратилась в инфляционный зародыш иной Вселенной?

– Нет, здесь реализовался другой сценарий. Знающие создали фазовый переход, сnivelированный волной гравитации. Поле бозонов Хиггса тормозит расширение зоны перехода, поэтому скорость расширения пока маленькая – всего в десять раз больше скорости света. Другое дело, если в эту зону разрядить импульс тёмной энергии с большим градиентом, что и собирались сделать Знающие. Процесс изменится, волна рванёт с гиперболическим ускорением, и всем нам будет кирдык.

Присутствующие оживились, по их лицам пробежали улыбки, женщины обменялись шутливыми репликами, отразившими уровень их понимания ситуации или скорее непонимания, более сдержанные мужчины обменялись скептическими взглядами.

– Сути БОХ это не меняет, – подвёл Воеводин итог рассуждений физика. – Оба процесса разрушают материальные объекты и одинаково опасны.

– Неодинаково, – не согласился Бодха. – Взрыв бомбы

способен вычистить сравнительно небольшой объём пространства, размером с Солнечную систему. Фазовый скачок в Омеге Кентавра затронет весь наш метагалактический домен.

– Согласен, – благосклонно кивнул Шапиро.

– Вообще этот процесс развития иномерной опухоли в Омеге Кентавра, – добавил Бодха, – я бы назвал вбросом энтропии. Потому что после его завершения энтропия в нашем домене достигнет максимума. Да и Бомбу Хаоса можно было бы назвать Бомбой Энтропии.

– Рост энтропии – лишь одно из следствий глобального процесса фазовой перестройки вакуума, – возразил Шапиро. – Хаос – более подходящее название.

– Но смена физических законов ещё более мощное явление...

– Господа, прошу вас, – поднял ладонь Воеводин, – мы не на диспуте. Меня больше волнуют конкретные практические проблемы, а не теоретические. Пока мы не отправили брандер Знающих с БОХ на борту в район назначения, система Кеплера будет находиться на грани исчезновения. Не пора ли начать эвакуацию всех институтов на планетах трёх звёзд?

Физики переглянулись.

– Не мне решать, – деликатно признался Шапиро. – Но я бы подождал весточки от «Ра».

– Я тоже, – присоединился к нему Бодха. – Хотя интересно

было бы посмотреть, что произойдёт со звёздами системы.

– Звезда «пылевиков» погасла. Вернее – исчезла. Точно в соответствии с нашими расчётами. Можно будет посчитать, что произойдёт со звёздами Кеплера и их планетами. Но ещё более интересен процесс взаимодействия БОХ с чёрной дырой. Вы не считали?

– Кое-какие идеи у меня есть.

– Господа, – озабоченно сказал Воеводин, переводя недоверчивый взгляд с одного на другого, – вы в самом деле не понимаете, что мы не проводим мысленный эксперимент, а участвуем в обсуждении реальной опасности?

– Мы это понимаем, – виновато сморщился Бодха. – Если нам удастся точно предсказать последствия процессов, происходящих при взрыве Бомбы Хаоса, это поможет и вам принять необходимые контрмеры.

– Совершенно с вами согласен, дружище, – объявил Шапиро. – Возможно, мы найдём способ остановить развитие фазового перехода.

– Но я в это не верю. – Бодха разогнал улыбкой морщины по лицу. – Не существует инструмента, способного измерить то, что лежит за пределами нашей физики. А Знающие живут именно там, в другой Вселенной с другим набором законов, принципиально не доступной нашему контролю. Мы можем говорить лишь о вероятностных характеристиках той материи, не имея возможности проверить свои теории.

– Ну почему же? – возразил Шапиро. – Уже существуют

теоретические расчёты коллег по «кристаллизации» вакуума, основанные на принципах фазовых зеркал, так что в скором времени мы тоже научимся выращивать «из ничего» материалы с необычными свойствами. Объекты из таких материалов могут стать устойчивыми и во Вселенной Знающих.

– И всё-таки на мой взгляд...

– Благодарю, джентльмены, – хлопнул ладонью по столу Воеводин. – Я вас понял, работайте, от вас действительно многое зависит. Поговорим о других не менее важных вещах. Поскольку «Ра» находится в рейде, мы не можем направить его к Омеге Кентавра. Нужен независимый спейсер, старт которого нельзя будет отследить. Кроме того, нужны эксперты для оценки состояния скопления Омега Кентавра.

– Что касается экспертов, – небрежно бросил Шапиро, – то они перед вами. Вы не возражаете против экспедиции к Омеге, коллега?

Бодха флегматично пожевал губами.

– Если мои более чем скромные возможности окажутся востребованными, я готов.

– Благодарю за предложение, – сказал Воеводин. – Ваше участие в экспедиции очень важно для нас. Не придётся искать новых экспертов с риском напороться на агентов Знающих. Нам позарез необходимо знать, какие процессы происходят не так уж и далеко от Земли. Иван, флот в твоём ведении.

– С флотом напряжёнка, – признался Грымов. – В нашем

распоряжении семнадцать машин разного класса, но лишь две из них – фрегат «Варяг» и корвет «Либеро» – способны выйти за пределы Галактики. Но их контролирует не только Гицгер, но и федералы, а также Комбез. Без их санкции старт кораблей за пределы Солнечной системы невозможен.

– Подтверждаю, – кивнула Ани Санта, смуглолицая, полногрудая бразильянка, типичная представительница своего народа.

– Со стапелей Владивостокской космостроительной компании через месяц должен сойти линкор «Викрамадитья». Ему предстоят ходовые испытания. В качестве таковых можно предложить поход к Омеге.

– Но об этом не должно знать ни одно официальное лицо. Мы не ведаем, кто из функционеров Комбеза или СОН является резидентом Знающих.

– Можно попытаться разработать позицию Комбеза, – предложила бразильянка. – Никто не придерётся.

– Отлично, Ани, займитесь этим. Далее, связь с МККЗ. Ярослава, у вас есть что-нибудь?

Командор Погранслужбы посмотрела на Леблана.

– К сожалению, я оказалась пешкой в игре Комиссии, причём непроходной, не так ли, Люсьен?

Леблан с той же виноватой полуулыбкой развёл руками.

– В принципе, я почти в таком же положении, командор. Та структура Комиссии, с какой я контактировал, исчезла, оставив лишь канал для связи, который до сих пор не рабо-

тает. Да, я кое-что выяснил о жизни цивилизаций Кольца, осевших вокруг чёрной дыры в центральном балдже Галактики, но это не даёт мне никаких преимуществ.

Физики оживились.

– Хотелось бы услышать ваши комментарии, – сказал Бодха, взглядом согласовав свой вопрос с Шапиро.

– Генерал? – повернулся к Воеводину француз.

– Да, пожалуй, это может иметь практический выход, – кивнул Воеводин. – Только покороче, Люсьен, общие положения, так сказать, подробности я попрошу вас сбросить мне на почту.

– Сначала о Знающих. Мнение моих работодателей из Комиссии: Вселенная Знающих-Дорогу представляет собой Гиперсистему катастроф. Что это означает, я не совсем понимаю, но полагаю, что цивилизация Знающих переживает системный познавательный кризис. Ключевой фактор стабилизации, по мнению ксенопсихологов, применимый для всех типов цивилизаций, – приоритет духовности над прагматичностью и меркантильностью, – у них отсутствует.

– Ну, то же самое или почти то же самое я могу сказать о нашей цивилизации, – пренебрежительно сказал Шапиро. – Человечество в массе своей подошло к пределу стохастического духовного дрейфа, никого ничто не интересует, кроме наживы и безудержного потребления по формуле «бери от жизни всё и сейчас». Мне казалось, логика Знающих глубже этой парадигмы. Их жизнь не опирается на категории

пространства и времени и подчиняется иным логико-этическим системам, сбалансированным другими законами физики. Наш разум не способен воспринять и осмыслить эти законы.

– Вообще-то я примерно такого же мнения, – вставил слово Бодха. – Считаю, что человечество характеризует собой не разум, а предразум. В силу неадекватности нашей научной методологии и неспособности задавать правильные вопросы мы фундаментально ограничены в познавательной функции.

– Давайте всё-таки не будем отвлекаться, – с досадой сказал Воеводин. – Я понимаю, у каждого из вас своя точка зрения на способности человека, однако у нас нет времени на обсуждение всех вариантов темы. Значит, ваши коллеги из Комиссии считают, что Знающие – в кризисном состоянии?

– Совершенно верно, – подтвердил Леблан. – Хотя здесь есть нюансы. Из всех моих бесед с коллегами я сделал вывод, что и Великое Кольцо цивилизаций находится в кризисе, и не все они подчиняются решениям МККЗ, как иногда не подчиняются наши правительства решениям Комитета безопасности, – Люсьен кинул взгляд на Ани, – и комиссиям СОН.

– Подтверждаю, – грустно отозвалась женщина.

– Возможно, именно в результате несогласия с политической друг друга цивилизации Кольца не хотят контактировать с нами напрямую даже при наличии колоссальной угро-

зы существования жизни в Галактике. Человечество намного больше ограничено в средствах, чем члены Кольца, но при этом они стараются не вкладывать с в о и средства и тратить ресурсы на борьбу с Вирусом.

– Пакостники, – проворчал Шапиро.

Воеводин поймал взгляд Грымова и понял, что заместитель применил бы другое слово для оценки деятельности «высших» цивилизаций.

– Тем не менее нам абсолютно необходимо наладить с ними контакт! Иначе, боюсь, мы одни не справимся с экспансией Знающих. Мы уже сейчас висим на волоске, имея готовую взорваться в любой момент бомбу.

– Но она же на Кеплере? – заикнулась Ани.

– А кто сказал, что Бомба Хаоса – одна? Вы уверены, мон ами, что Знающие не подстраховались и не подготовили второй экземпляр для Солнечной системы? Не потому ли они притихли, проиграв схватку на Кеплере, что готовят очередной брандер с БОХ? Какую стратегию ни выбери, долго нам не продержаться, конец один.

Помолчали, размышляя.

Шапиро потрянул шевелюрой.

– Вы чересчур пессимистичны, Степан Фомич. Смогли же мы дать агрессору по зубам, причём дважды? Приостановили вторжение? И ещё раз сможем, даже если нас не поддержит коалиция разумников в ядре Галактики. Хотя я бы послал-таки туда экспедицию с целью установить прямой кон-

такт. А мсье Леблан как бывший агент МККЗ возглавил бы её.

Головы присутствующих повернулись к начальнику отдела космоконтроля ФАК.

– Как прикажете, – вежливо ответил француз. – С главой агентства я не в приятельских отношениях, однако смогу доказать необходимость участия в такой экспедиции.

– В таком случае решение принято. Будем настаивать на железной необходимости посылы спейсера в ядро во всех инстанциях, начиная с ФАК, Комкона и кончая Комбезом и СОН. Иван, твоё мнение насчёт посылы?

– Нужны как минимум два корабля, – после недолгой паузы сказал Грымов. – Как раз наши машины и сгодятся для похода – «Грозный» и «Непобедимый». А «Викрамадитью» направим в Омегу. Если только... – Он замолчал.

– Что? – поинтересовался Воеводин, не дождавшись продолжения.

– Если только нам не помешают агенты Вируса.

– Значит, надо усилить режим секретности.

– Мы и так стоим «на ушах». – Грымов имел в виду императив максимальной формы тревоги. – Нам бы побыстрее выяснить, кто резидент...

– Это должна быть крупная и самостоятельная фигура, – заметила Ярослава. – Имеющая доступ к ресурсам если и не всего человечества, то мощного государства.

– Председатель СОН? – предположила Ани Санта.

– Не обязательно, председатель – слишком заметен, ему трудно скрыть свои приоритеты и цели. Резидентом должен быть чиновник масштаба президента или премьера, в крайнем случае – должностное лицо, имеющее доступ к секретам силовых структур. – Ярослава подумала. – Кстати, Ани, вы вполне могли бы определить кандидатуры в резиденты, при первом же заседании Комитета безопасности.

– Как вы себе это представляете? – озадачилась бразильянка.

– У нас появилась аппаратура, способная оценивать поступки и действия людей, – подсказал Грымов.

– «Эол», – добавила Ярослава. – По репликам человека и его поведению можно понять, лжёт он или нет, есть у него «двойное дно» или нет. Читать мысли «эол» не умеет, тем более что существует защита от мыслепрослушки – «вшинники», но прецеденты позитивного использования системы были.

– Руслан Горюнов, – улыбнулся Грымов.

– Мой муж, – кивнула Ярослава.

– Я попробую, – согласилась секретарь Комбеза.

– Получается, что необходимо запустить две экспедиции одновременно, – сказал задумчиво Шапиро, – в Омегу и в ядро.

– Почему это вас смущает? – мягко спросил Бодха.

– В Омеге я уже был... а вот в ядре Галактики... м-да... хотелось бы посмотреть на это чудо вблизи. Кстати, Люсьен,

ваши... гм, работодатели из Комиссии – что за существа? Биологическая форма жизни, из плоти и крови, кристаллическая, полевая?

Леблан нерешительно посмотрел на Воеводина. Тот в свою очередь посмотрел на него с любопытством.

– Действительно, мсье Леблан, вы ведь нам этого не рассказывали. Всем интересно, с кем придётся иметь дело в ядре.

– Вы не поверите, – сморщился француз, – я не знаю. Могу только с большей или меньшей степенью вероятности утверждать, что я контактировал с небιологической формой жизни. Это не «пылевики», известные нам после атаки на них Вируса, и не «живые математические формулы» Орилоуха, мои информаторы принадлежат к одной из разновидностей полевой формы, но как она выражена и реализована, я и в самом деле не имею представления. Зато знаю, что цивилизации Кольца разные, среди них есть и биологические формы жизни, и кристаллические, и плазменные, и какие-то другие, хотя оценить их мне не под силу, по образованию я не ксенолог, не ксеноисторик и не физик, я филолог. Был бы жив Хасим Хасид, он рассказал бы больше, так как его ранг был выше моего.

– Хасима жаль, – погрустнел Грымов. – Удачно парень маскировался под турецкого отморозка. Нам таких агентов будет не хватать.

– Намного наши представления о формах космического

разума отличаются от реального воплощения? – жадно спросил Шапиро.

– Что вы имеете в виду? – не понял его Леблан.

– Ещё в двадцать первом веке мечтающие о встречах с внеземным разумом разработали таблицу предполагаемых видов инопланетян в соответствии с их поведением. Об этом была написана гора повестей и романов. Считалось, что мы можем встретиться с дружелюбными существами типа «маленький пушистик» Бима Пайпера, с иммигрантами, маскирующимися под людей, с паразитами, откладывающими личинки в тела людей, достаточно вспомнить старый как сама история фильм «Чужой», с убийцами типа «хищник» из одноимённого фильма, с тайными агентами и завоевателями. Тогда это были предположения, основанные на чисто обывательской психологии, но теперь-то мы можем оценить справедливость предсказаний?

– Я вас понял. Конечно, лично мне не приходилось встречаться с кем-либо из агентов МККЗ физически. Они внедряются в тела людей точно так же, как паразиты, разве что с благими намерениями. Но из тех же бесед с моим «наездником» я сделал вывод, что в Кольце встречаются разные формы разума, в том числе на биологической основе, но основная масса цивилизаций ядра – а всего их не меньше тысячи – представляет собой небиологические конфигурации.

– Понятно почему, – сказал Бодха. – Уровень излучений в ядре Галактики плюс мощная гравитация массивных звёзд

не дают возможности развиваться биохимическим существам.

– Это второстепенная причина малого числа биоцивилизаций, основная же – эти цивилизации похоронены на кладбище собственных ошибок.

– Войны? – прищурился Грымов.

– Как правило – агрессивное уничтожение природы, фатальное загрязнение экологической среды, к чему склонны и мы, люди, и опасные эксперименты, моровые болезни, войны. Существа полевых форм более устойчивы к социальной разбалансированности. Да они и не поддерживают стадию социального разделения либо объединения.

– Значит, полевые разумники не агрессивны? – спросил Шапиро.

– Скажем так – не агрессивны, но достаточно равнодушны. Полевые формы тоже неодинаковы по отношению к миру и друг другу. Среди них есть как «Белые» цивилизации, выполняющие все правила галактического общежития, так и «Серые», и «Чёрные».

– Ну, «Чёрные» – понятно, носители Зла в нашем понимании, а «Серые»?

– Это те, что считают себя вправе не выполнять два-три общих правила. К примеру, развитая цивилизация не имеет права применять карательные меры к представителям более слабых цивилизаций, но «Серые» легко переступают через этот закон. Или в Кольце запрещается использовать голографический камуфляж и обман, но некоторые члены Кольца

нарушают и этот пункт Галактической Хартии.

– «Чёрные» вообще не выполняют правил?

– Они признают только право сильного.

– А ваши работодатели встречались с ними?

– Неоднократно.

– Можете привести пример?

– Стоп! – сказал Воеводин, прерывая Шапиро, посмотрел на Леблана. – Мсье Леблан, я сведу вас с нашими экспертами в области ксенологии. Ваши воспоминания могут дать толчок полезным практикам.

– Расскажу всё, что знаю.

– И последнее, судари и сударыни. Поскольку противостояние с Вирусом продолжается, а угроза возрастает день ото дня, мы переходим на императив «изолятор».

– Вся контрразведка? – уточнила Ани Санта.

– Подразделение «Сокол», – качнул головой Воеводин.

Глава 2

Скрытая угроза

Сознание прояснилось, и Руслан вспомнил, кто он есть и где находится.

«Ра» стартовал с базы «Сокол-14» на Нереиде, спутнике Нептуна, в режиме «инкогнито» и не стал ломиться через пространство Солнечной системы к её границам шпугом⁷. Он сразу нырнул в «суперструну», рассчитанную Клиффордом, инком корабля, и вышел из неё в семидесяти пяти тысячах световых лет от центра Галактики, в так называемом Кольце Единорога.

Кольцо было открыто ещё в начале двадцать первого века, и оно оказалось частью Млечного Пути, диаметр которого из-за этого вырос со ста тысяч световых лет, как считалось раньше, до ста пятидесяти тысяч. Его структура походила на расходящиеся по воде круги от брошенного камня, то есть по сути – волны, вершины которых совпадали с местоположением спиральных рукавов Галактики. Предполагалось, что эта волновая структура порождена столкновением Млечного Пути с карликовой галактикой в достопамятные времена. Но потом появились новые данные о волнах, и учёные сделали вывод, что они – следствие сгущений тёмной материи.

⁷ Шпуг – режим двойного ускорения.

Впрочем, экипаж «Ра» не заморачивался в попытках объяснить причины возникновения Кольца Единорога, он просто больше часа любовался им и ещё больше – всей гигантской звёздной системой, домом человечества и тысяч цивилизаций, его населявших. Картина была феерическая: лохматая, многорукавная, грандиозная, звёздная спираль, изумительно совершенная, гармоничная, живая, горела под космолётом ослепительно-ярко, и даже равнодушный к проявлению человеческих чувств Веласкес (Ярослава настояла, чтобы витс⁸ полетел с Русланом) потратил какое-то время на созерцание Млечного Пути, ответив на вопрос драйвер-секунды Славы Терёшина «что он чувствует»? – с оттенком удивления:

– Никогда не думал, что инконгруэнтная фрактальность системы может быть такой безупречной.

Сражённый ответом Терёшин не нашёлся что ответить.

Зато экипаж корабля, состоявший всего из шести человек, включая капитана Рудольфа Маккену, долго искрил шутками в адрес пилота, хотевшего всего лишь пошутить над витсом в присутствии Вероники Солнышко, оператора технических и защитных систем «Ра».

– Как самочувствие? – напомнил о себе компьютер корабля, исполнявший также и обязанности эскулапа.

– Отличное! – ответил Руслан, привычно включаясь в общую сеть связи и контроля спейсера.

⁸ Витс – высокоинтеллектуальная техническая система.

Перекличка заняла несколько секунд.

Во время прыжков экипаж находился в своих кокон-креслах, а пассажиры – команда Руслана численностью также в четыре человека – в специальных боксах, и автоматика корабля, опекавшая живой груз, контролировала его состояние непрерывно, отвечая на любой звуковой или мысленный запрос.

– Кофу! – прилетел голос Маккены, что означало: «контроль функционирования».

Экипаж занялся проверкой систем корабля.

Руслан выслушал ответы подчинённых, доложил в рубку управления о полном порядке во вверенном коллективе, включил внешний обзор.

Вокруг космолёта царил тьма, пронизанная далёкими светлячками – не звёзд – галактик! – образующими паутинки галактических скоплений, складывающихся в ажурную сетчато-волокнистую структуру Вселенной. Справа и чуть снизу по вектору фронтальной видимости светили скопления галактик в Парусах, слева – чуть ярче фона – виднелась сеточка галактик в созвездии Кентавра, если смотреть на них не с Земли, а с точки, удалённой от Солнечной системы на расстояние в три миллиарда световых лет.

«Ра» вышел точно в указанном районе пространства между созвездиями Парусов и Кентавра. До устья Большой Дыры, проделанной «углом» Вселенной Знающих-Дорогу в родной Метагалактике, оставалось чуть менее тысячи свето-

вых лет, примерно как от Солнца до одной из звёзд местного галактического рукава. Именно в эту точку устремлялся «наконечник» струи галактик в количестве больше сотни, образуя «тёмный поток». Почему земные астрономы называли эту струю «тёмным потоком», можно было только догадываться. На самом деле галактики светили вовсю, представляя собой сгустки звёзд и светящейся пыли, а несло их к Большой Дыре тяжёлое дыхание *чужого* мира, вернее, не дыхание – чудовищный «вдох», порождённый процессом всасывания известного континуума в «яму» неизвестного.

– Цель, – попросил Руслан.

Картина космоса перед глазами изменилась.

Проявились звёздные волокна в направлении на чёрное пятно в окружении крупных красных звёзд. Пятно напоминало зев пещеры, и веяло от него угрюмой воинственностью и угрозой. Неизвестно, как себя чувствовали космолётчики, всё-таки «Ра» не первый раз подходил к Большой Дыре, но Руслан почувствовал, как желудок судорожно сжимается, реагируя на присутствие в данной области пространства неведомой «чёрной силы».

Послышались голоса космолётчиков, Терёшина:

– Могила, однако!

Вильгельма Иванова:

– Как говорил Шапиро – векторная деформация вакуумного поля.

Смешок Терёшина:

– Не засосало бы в дырку!

Голос Иванова:

– А может, нас там ждут с распростёртыми объятиями.

Ответ Артура Воеводина, сына главы «Сокола»:

– Готов поспорить, что ждут, но не как друзей.

– Это и к бабке ходить не надо, – засмеялся Те-рёшин.

– Клиф, где мы? – голос Вероники Солнышко.

– Приблизительно в тысяче эсве⁹ от входа в Дыру, – сообщил инк.

– Почему мы не видим Паруса?

– Они ещё далеко, да и построены всего лишь год назад, свет от них не успел дойти до этого района.

Речь шла о паутинчатом объекте, построенном, а вернее – выращенным, из «кристаллизованного» вакуума Знающими-Дорогу, который люди назвали Парусами (не в последнюю очередь из-за того, что созвездие на границе этого участка космоса называлось созвездием Парусов) и который на самом деле представлял собой колоссальной протяжённости антенну для «сброса иномерности». Издали эта антенна действительно напоминала сросток ажурных парусов на земных яхтах.

– Что-то здесь слишком тихо, – обронил Терёшин.

– Нас ещё не заметили, – уверенно заявил Воеводин. – Охрана ждёт нас непосредственно у Парусов.

– Да, но в прошлый раз она преследовала нас на гораздо

⁹ Эсве – световой год (жаргон космолётчиков).

большем расстоянии.

– Потому что они следили за нами с помощью датчиков, определявших остаточную «иномерную радиоактивность» корпуса «Ра». Дома мы от неё избавились.

– Нам тоже не помешали бы такие датчики, – с сожалением проговорила Вероника. – Не представляю, каким образом можно отслеживать объекты на расстоянии в миллионы эсве.

– Командир, дальше не пойдём? – спросил Иванов подчёркнуто равнодушным тоном.

Маккена молчал, думал.

– Вообще-то надо подойти поближе, – вырвалось у Руслана.

Раздались смешки.

– Вы случайно не родственник Шапиро? – весело спросил Терёшин.

– Нет, – озадачился Руслан.

– Он тоже постоянно призывал нас подойти ближе в прошлом походе, – пояснил Иванов.

– Согласен с вами, – сказал наконец Маккена. – Брандер с Бомбой надо не просто направить в Дыру, надо проконтролировать его вхождение. С расстояния в тысячу эсве мы сделать это не сможем. Вопрос всем: отдых нужен?

– Нет! – дружно ответили космолётчики и пассажиры.

– В таком случае идём дальше. Клиф, овернайт длиной в девятьсот девяносто девять эсве! Выход в режиме ЧП!

– Принято, – ответил инк.

«Ра» превратился в «суперструну»...

* * *

Картина космоса вблизи гигантского чёрного провала в звёздной метели впечатляла.

Паруса!

Перед носом корабля раскинулись светящиеся, ажурные, изумительно красивые паруса, скользящие в темноту.

Кое-где эти паруса опирались на корпуса старинных шхун – уплотнения паутиных ядер, и тогда вовсе начинало казаться, что космолётчики видят бескрайнее чёрное море и сотни парусных кораблей, плывущих в бесконечность...

Никуда «корабли под парусами», конечно, не плыли, стояли на месте, а их иллюзорное движение создавалось ходом самого корабля, приближавшегося к ним со скоростью, почти равной половине световой. «Ра» находился в режиме «инкогнито», и пока что это обстоятельство оберегало космолёт от радаров и наблюдательных систем охранного комплекса Антенны. Но массу космолёта невозможно было спрятать под колпак невидимости, и рано или поздно его путь должны были отследить.

Руслан подавил в себе желание выразить восхищение картиной «входа в Ад», где обитали Знающие. Ему доверили командование спецгруппой, и он теперь должен был блюсти реноме командира, не отвлекающегося на сантименты. Тем

более что в группе была женщина – Марианна Вележева, специалист по стринг-технологиям инновационного центра «Сколково». Она прекрасно справилась со своим заданием на Суперструннике, и Руслан настоял на том, чтобы Марианну включили в группу как специалиста по системам «суперструнных» генераторов – «сусликов», на жаргоне астронавтов, так как им всем предстояло проверить стояние брандера с Бомбой Хаоса и сбросить его в Большую Дыру.

Наличествовал в команде и физик, Майкл Шеридан, коллега Шапиро, которого Всеволод и порекомендовал в качестве эксперта для экспедиции. Но он пока помалкивал, держа связь с Клифффордом.

– Клиф, депешу на базу! – послышался голос Маккены. – Мы почти у цели, ждём реакции охраны, и если её не последует, сделаем последний прыжок к Дыре, активируем «суслик» и будем ждать прибытие брандера.

– Депеша послана, – отозвался инк.

– Картинку Парусов на фронт.

Картина космоса перед глазами всех пассажиров космолёта снова изменилась.

Внутри чёрного пятна, окольцованного крупными красными звёздами (Руслан знал, что все они соединены фермами из «кристаллического» вакуума, что приводило душу в трепет), вдруг сверкнуло лилово-голубое пламя разряда, мгновенно обежавшее острые концы Парусов.

«Ра» содрогнулся.

На миг Руслан почувствовал дурноту, во рту стало кисло.

– Клиф, максимальная защита! – отреагировал Маккена. – Всем режим «раз»!

Речь шла о подсоединении членов экипажа к инку и включении особого алгоритма «один-на-один», позволявшего реагировать на изменение обстановки почти со скоростью компьютера.

Команда эта не касалась Руслана и членов его группы, и он промолчал, хотя сам был бы не прочь напрямую управлять Клиффордом.

– Что это? – робко спросила Марианна Вележева; сеть интеркома была включена, и её слышала вся группа.

Руслан в общем-то не знал, в чём дело, почему организм прореагировал на «молнию», соединившую Паруса, так негативно, однако из чувства ложной гордости ответил веско:

– Эффект мерцания вакуума.

– Но ведь Паруса разделяют огромные расстояния – десятки миллионов километров!

– Ну и что?

– Свет же не может распространяться так быстро, чтобы мы увидели их соединёнными одновременно!

– Молодец, Марианна! – заметил Веласкес. – Я тоже об этом подумал.

– Майкл? – вызвал эксперта Руслан. – Что скажете? Почему мы видим Паруса, простреленные молнией, в течение

секунды?

– Вы правы, это и в самом деле эффект мерцания вакуума, вызванный взаимодействием континуумов, – ответил Шеридан, – местного космоса и космоса в Дыре. Отзвук быстро затухающего фазового перехода. Он объединяет объекты на любых расстояниях, а мы видим уже их реакцию – нечто вроде коронного разряда.

– Слышала, Мари?

– Да, спасибо, поняла... но очень неприятно...

– Не вам одной.

– Не попробовать ли нам зайти с тыла Парусов? – слышался голос Терёшина; переговоры пассажиров команда спейсера не слышала.

– Зачем? – не понял его Артур Воеводин.

– Проверить, насколько глубоко мы можем сопровождать брандер.

– Вот и проверим защиту.

– Смелый ты! – восхитился Иванов. – Ну прямо как рефери на ринге!

Послышались смешки.

Экипаж «Ра» давно привык к словесным эскападам молодых парней, желавших завоевать если не сердце, то хотя бы внимание Вероники, и реагировал на них легко.

– Горюнов, готовьте «суслик» к десантированию, – объявил Маккена.

Руслан встрепенулся, скомандовал:

– Группе собраться в трюме.

С тихим свистом опали слои мягчайшей изоляции, освобождая компенсационный костюм космолётчика, по давней традиции называемый «кокосом». Руслан выбрался из ложемента каюты-бокса, мысленно указал маршрут следования, и корабельный «лошак», как опять же по традиции называли транспортную систему корабля, за несколько секунд опустил его в недра космолёта, в грузовой трюм-терминал.

Собрались все дисциплинированно и быстро, что указывало на общее нетерпение и готовность поскорее включиться в работу: двое мужчин разного возраста, витс и женщина – Марианна.

– Мы у цели, – сказал Руслан, чувствуя душевный подъём. – От нашей слаженности зависит многое. Основная работа начнётся, когда прибудет посылка, но я хочу услышать каждого из вас: мы справимся?

– У нас нет другого выхода, – флегматично заметил Веласкес.

Марианна рассмеялась. Она не сомневалась в своих силах и не верила в неудачу.

– Специалисты – контроль функционирования модуля. Остальные – внешний осмотр, моделирование нештатных ситуаций, проверка резерва.

Специалисты – Марианна Вележева и Майкл Шеридан – взялись за расконсервацию «суслика» и его активирование, развернули консоли с аппаратурой.

Веласкес, олицетворявший гаранта безопасности команды, двинулся вокруг сложной, десятиметровой длины «ракушки» слим-генератора, к которому прилипло жаргонное словечко «суслик». В принципе, он мог бы этого не делать, внешний осмотр генератора, создающего финиш-объём для получения «посылки» – брандера с Бомбой Хаоса, ничего выявить не мог, однако нештатный сотрудник контрразведки и не подумал отказаться или хотя бы спросить у командира группы, стоит ли заниматься осмотром.

Бывший помощник Ярославы был воссоздан заново после боя с агентами Вируса в её доме. Тело витса практически превратилось в груды псевдокостей и металлических сочленений, но мозг Веласкеса – квантовый компьютер, защищённый бронекапсулой и занимающий место позвоночника и желудка, уцелел, что позволило специалистам технических служб «Сокола» вырастить ему новое тело.

– Командир, – сказал он бесстрастно, разглядывая сложную механику трюма, в котором стояли два десятка разного класса летательных аппаратов, – вы уверены, что у нас есть шансы запустить брандер в Дыру?

Руслан озадаченно сложил руки за спиной; такой «чисто человеческий» вопрос от витса он не ждал.

– Почему ты спрашиваешь? Сам только что сказал: у нас нет другого выхода.

– Нас туда не пропустят. Как только мы вылупимся из-под защитного поля, на нас кинутся все местные сторожевые

собаки. А их тут не одна сотня, мы не справимся.

– У нас лучший экипаж космофлота...

– Никакой экипаж не в состоянии обеспечить победу даже не над превосходящими в тысячу раз силами противника – над физикой!

– Мы прекрасно защищены...

– Но не от фазовых переходов вакуума и скачков мерности. Только что мы были свидетелями процесса, соединившего концы Антенны и породившего судорогу пространства, что повлияло и на корабль. А ведь это всего лишь слабенькое эхо настройки Антенны! Что будет, если её включают?

Руслан задумался, наблюдая за вознёй подчинённых.

– Не включают... они будут ждать сообщения о готовности Антенны в стенке Крестовского. К тому же судороги пространства влияют на все объекты внутри контактного объёма, не только на спейсер, но и на корабли охраны. Поэтому вряд ли хозяева Парусов осмелятся включить Антенны, рискуя потерять весь свой флот.

– Их логика нам недоступна. Но, допустим, глобально изменять параметры местного вакуума они не станут, всё равно против нас выйдет в поле биться целая рать, а «Ра» – один.

Руслан улыбнулся образному сравнению витса, не раз приводившего в удивление окружающих своими «неожиданно человеческими» оценками.

– И один бывает в поле воин. Хорошо, я тебя понял. Может быть, подскажешь, что нам делать?

Веласкес помолчал.

– Перехитрить...

– Как?

– Оставить «суслик» в пространстве в режиме «инкогнито»... вместе с командой... корабль отвести подальше, на десяток-другой миллионов километров, чтобы охрана Парусов отреагировала на маневры корабля... а команда направит брандер с Бомбой в Дыру.

Руслан с интересом присмотрелся к гладкому спокойному лицу витса, никогда не отражавшему никаких эмоций.

– Но ведь для тех, кто останется на брандере... это почти верная гибель!

– Могу остаться один я.

Руслан ещё раз оглядел лицо Веласкеса, замкнутое на замок невозмутимости.

– Спасибо за предложение, дружище. Надеюсь, что нам не придётся жертвовать жизнью.

– Моя жизнь весьма отличается от вашей, – усмехнулся искусственный человек. – Порог инстинкта самосохранения у витсов ниже порога срабатывания законов робототехники.

– Всё равно это – жизнь!

Веласкес помедлил, кивнул.

– Я в полном вашем распоряжении, босс.

Подошёл Шеридан.

– Всё в порядке, командир, мне велели не путаться под ногами.

Руслан засмеялся.

– Я поэтому к «суслику» и не подхожу, чтобы не получить такой же совет.

Контроль функционирования слиммодулятора длился около сорока минут. Управлял его работой бортовой компьютер, не снабжённый личностными характеристиками, в отличие от высокоинтеллектуальной «мыслящей» техники, и отзывался он на простые мыслекоманды: «включить», «заглушить», «развернуть» и так далее.

Внештатных ситуаций не придумал никто. Все идеи подчинённых сводились к отказу какой-либо системы модулятора, и его работоспособность зависела лишь от наличия данной системы в резерве. Починить сломанный агрегат вне заводских условий было невозможно, надежда была лишь на 3D-принтер или на репликатор, если только они в состоянии были создать нужную деталь по информационным копиям этих деталей.

– Рудольф, «суслик» готов к эксплуатации, – бодро доложил Руслан командиру космолёта.

– Займите полётные камеры, – сухо отозвался Маккена. – Приступаем к маневрированию.

Руслан насторожился.

– Что происходит?

– Нас заметили.

Руслан выдохнул сквозь стиснутые зубы, ловя на себе взгляды членов группы, и сделал понятный всем жест.

– По местам!

Глава 3

Бох

Грымов собирался поутру встать на лыжи и сделать пятикилометровую пробежку – жил он с семьёй на Шпицбергене, где даже летом лежал снег, – когда в ухе проклюнулся синапс постоянно включённого менара¹⁰.

«Полковник, важное сообщение».

«Минуту», – отозвался Иван, с сожалением расставаясь с надеждой посвятить эту субботу отдыху. Снял лыжи, вышел из бокса со спортивным инвентарём на дорожку, протоптанную в снегу: жена Татьяна каталась на лыжах постоянно, – вошёл в дом, построенный в русском теремном стиле. Снаружи дом и в самом деле представлял собой терем (дом достался Ивану от прадеда из старинного рода русских поморов), но внутри выглядел вполне современным, высокотехнологичным, и обслуживался автоматикой так же, как и другие жилищные модули, получившие статус «живых комплексов», наполненных призрачной техножизнью.

Четырёхкомнатный коттедж был пуст. Жена ещё не вернулась с работы, она дежурила в поликлинике в Калининграде, дочь Вера училась и жила в пансионате в Новосибирске и дома появлялась редко, предпочитая жить не с родителями,

¹⁰ Рация мыслесвязи.

а с бабушкой.

Иван прошествовал в кабинет, сел за стол.

– Слушаю вас.

– Подключаю даль-связь. – Дежурный инк системы «спрута» – экстренного оповещения контрразведчиков «Сокола» – умолк. Вместо него через пару секунд на всеземном сленге торопливо заговорил «настоящий» человек:

– Тройной Кеплер, база ФП «Лебедь», служба мониторинга, дежурный капрал Джой Бэзил Робертс.

Трикстер, равнодушно подумал Иван, оценив тон дежурного, его манеру грассировать и сочетание имени Джой (женская составляющая) и Бэзил (мужская). «Промежуточный» род человека давно перестал быть притчей во языцех для нормальных землян, а трикстеры нередко проявляли недюжинные способности и работали во всех сферах социума.

– Что у вас?

– Замечено изменение формы объекта ZS.

Мысли свернули в другое русло. «Объектом ZS» назвали брандер Знающих с Бомбой Хаоса на борту, и находился он на одной из планет двойной звезды в созвездии Лебедя, охраняемый сотрудниками Службы безопасности и пограничниками.

– Конкретнее.

– Его хвост и нос оплыли... а на спине выросли шипы...

Грымов представил тушу брандера длиной около трёх километров, напоминавшую издали помесь черепахи и кроко-

дила. Иногда брандер так и называли – «кроха», объединяя два слова.

– Когда это произошло?

– Полчаса назад... точнее, мы заметили полчаса назад. Смена исследователей объекта ушла с него в соответствии с графиком работ, следующая приступит к работе через шесть часов, ночью там никто не работает. И ещё...

– Да?

– Нам запретили докладывать вам... я связался с контр-разведкой по личной консорт-линии... нарушая запрет... мне дали ваш пин...

Грымов напрягся.

– Кто дал?

– Он назвался Заверином Веласкесом, капитаном внешнего космоотряда ФПС, он работал в команде Ярославы Тихоновой...

– Спасибо, капрал. Кто запретил вам звонить в контр-разведку?

– Директор полигона на втором Кеплере, Ван дер Ваальд.

Грымов вспомнил могучего здоровяка-бельгийца, щеголявшего шкиперской седоватой бородкой.

– Понял, никому ни слова, что позвонили мне, наблюдайте, записывайте происходящее, готовьтесь к режиму ЧП.

«Принято».

Грымов посидел в кресле, собирая в кулак остатки воли (отдых явно откладывался на неопределённое время), с тру-

дом заставил себя сосредоточиться на проблеме и вызвал Воеводина:

– Степан Фомич, на Кеплере нештатная ситуация...

– Мне только что доложили, – ворчливо ответил руководитель «Сокола».

– Кто, если не секрет?

– Двойник Веласкеса, командир группы защиты, работал с Тихоновой.

– Мне позвонил некто Джой Робертс.

– Не знаю такого.

– И я не знаю.

– Разберёмся позже. Жду тебя на третьей базе, полетим на Кеплер вместе. Возьми с собой группу Плетнёва. Кого посоветуешь взять из экспертов?

– Шапиро, пока он ещё не отправился на «Непобедимом» к центру Галактики.

– Подготовь его, дело, по всей видимости, нервное.

Иван застыл на несколько мгновений, заторможенно уставился на прозрачную стену кабинета, впустившую утренний луч солнца (солнце на Шпицбергене скоро должно было скрыться почти на полгода), потом встрепенулся и начал переодеваться.

Шапиро откликнулся на вызов достаточно быстро:

– Полковник? Надеюсь, вы звоните мне не для того, чтобы сказать – я никуда не лечу?

– Как раз наоборот, – сказал Иван. – Похоже, лететь при-

дётся. Брандер с БОХ изменил форму.

– Да вы что?! – изумился физик.

– В связи с чем есть предложение посетить Кеплер, срочно.

– Ах ты, боже мой, какой пассаж! Извините... я собирался навестить...

– Понял, поищу другого эксперта.

– Нет-нет, я с вами! Меня подождут. Как можно отказать-ся?! Были у меня кое-какие подозрения насчёт бомбы... где встречаемся?

– Где вы находитесь?

– В Грузии, в Цагвери, у брата.

– Встречаемся там же, в холле первой станции метро, через полчаса. Успеете?

– Буду.

Иван вспомнил другой номер.

Андрей Плетнёв, командир оперативной спецгруппы, ответил мгновенно:

– Полковник?

– Сбор в холле первой станции метро в Цагвери, Грузия.

– Упаковка?

– Пока стандартная, упакуемся на базе.

– Принял.

Полёт, а точнее перемещение со Шпицбергена в Цагвери, потребовал всего несколько минут времени. До метро Ивана перенёс флайт тревожных служб (для всех местных руко-

водителей Грымов работал в Центроспасе и мог предъявить карт-бланш на любой вид транспорта), а перемещение по сети метро практически не отнимало времени.

Плетнёв встретил его в небольшом зале станции так, словно ждал его здесь давно.

Поздоровались.

– Адрес? – поинтересовался крепыш Плетнёв.

– Третья база, потом Кеплер.

– БОХ?

– Ты очень проницательный, Андрей, – улыбнулся Грымов, сжимая локоть капитана. – Чую, там заваривается какая-то каша.

– Разберёмся.

– Надеюсь.

В вестибюле метро появился спешащий, растрёпанный, разгорячённый быстрой ходьбой Шапиро. Пробился сквозь небольшую толпу пассажиров; несмотря на середину рабочего дня, метро в Цагвери было загружено почти максимально.

– Не опоздал?

– Поехали, – сказал Грымов, направляясь к свободной кабине.

– Я за вами, – отстал Плетнёв, делая кому-то знак.

Через минуту Иван и Шапиро вышли из кабины метро транспортного ангара базы на Энцеладе. Спустя секунду к ним присоединились Плетнёв и его немногочисленная – восемь бойцов – команда, выглядевшая скорее как группа ту-

ристов, а не бойцов спецназа.

В отсеке всех ждал озабоченный Воеводин в компании двух мужчин, одним из которых был новый начальник базы Павел Радищев. Его сопровождал эксперт «Сокола» Семёнов, пожилой, солидный, гладко бритый.

– Надо бы переодеться, – сказал Воеводин, глянув на стандартный уник Шапиро. – Не в ресторан собрались.

– На Кеплере ему дадут «кольчугу», – сказал Радищев.

– Ладно, на месте разберёмся.

Остановились перед грузовой камерой метро, способной бросить «на струну» большую группу людей или приличной массы летатель.

– Может, я тоже с вами? – предложил Радищев, высокий, худой, с лицом аскета и голубыми глазами религиозного фанатика; впрочем, в контрразведке о нём отзывались как о классном руководителе.

– Подождёте здесь, – сказал Воеводин. – Вдруг что понадобится? Я сообщу.

Расположились по центру камеры, напоминавшей трюм космолёта, взялись за поручни. Мигнули красные лампы... и ничего не произошло! Под потолком медленно разгорелось ожерелье оранжевых светильников. На стене рядом с дверью вспыхнул транспарант: «Отбой передачи! Не получен ответ».

– В чём дело? – осведомился Воеводин, поднимая голову.

– Минуту, господа, – мягко отозвался инк транспортной

системы. – Вызов не прошёл, линия заблокирована.

Воеводин посмотрел на Грымова.

– Этого только не хватало... что значит – линия заблокирована? Кем?!

– Попробуйте ещё раз запустить, – попросил Иван.

Лампы мигнули. Снова зажёгся аварийный осветитель.

«Отбой передачи!» – сообщил транспарант.

– Линия заблокирована, – доложил инк. – Сигнал синхронизации не проходит, связи с финиш-створом нет.

– Странно... – хмыкнул эксперт Семёнов. – Что там могло произойти?

– На Кеплере одно метро?

– На каждой планете, – процедил сквозь зубы Иван, начиная осознавать масштабы инцидента. – Закрыто метро на втором, где в кратере торчит брандер.

– Павел, вы меня слышите?

– Слышу, – откликнулся начальник базы, – пытаюсь связаться с остальными кеплерскими базами, чтобы проверили метро других линий.

Воеводин подумал, махнул рукой, приглашая всех покинуть камеру.

Гурьбой вывалились в ангар, остановились перед Радищевым, переминавшимся с ноги на ногу возле защитных капсул, используемых во время профилактических работ на силовых агрегатах.

Начальник базы развёл руками.

– Ничего не понимаю! Такого никогда не было!

– Это не ваша вина, – сказал Семёнов.

– Но и не автоматика метро, – встрепнулся Шапиро, об-
щавшийся с кем-то из своих знакомых. – Линию заблокиро-
вали на Кеплере, и это означает...

Грымов встретил посветлевший взгляд Воеводина.

– БОХ...

– Вирус! На Кеплере остались невыявленные агенты Зна-
ющих.

– Надо объявлять ВВУ...¹¹

– Хотя бы «Гром»!

Команду Плетнёва шатнуло: императив «Гром» означал
объявление тревоги по всем подразделениям «Сокола» и ак-
тивацию отрядов спецназа на всех его базах.

– Нам надо срочно прорваться к Кеплеру! – Воеводин
оглядел обступивших его людей. – Есть идеи?

В потолке транспортного ангара набух и запульсировал
багровый цветок тревожного оповещения. В недрах базы
дважды приглушённо взвыла сирена. Получивший мыслен-
ный приказ начальника «Сокола» дежурный общей сети
«спрута» начинал отрабатывать императив «Гром».

– Если заблокированы все станции... – начал Семёнов
неуверенно.

– Похоже, все.

– Надо посылать спейсер...

¹¹ Императив «внезапно возникшей угрозы».

Воеводин перестал сверлить эксперта взглядом.

– Это займёт не меньше трёх часов времени. Пока я себе-ру квалитет ответственности, пока мы получим разрешение Комбеза на полёт, пока подготовим транспорт...

– Подождите, Степан Фомич, – пробормотал Грымов, уже с минуту пытавшийся связаться со своим информатором. – О шевелении объекта ZS мне сообщил пограничник с базы «Лебедь» на втором Кеплере. Я ищу связь с ним.

– Ищи, я пока отдам распоряжения, всё равно готовить машину придётся. – Воеводин замолчал на несколько секунд, оглянулся на молчащего Шапиро. – Всеволод, придумал что-нибудь?

Физик уныло покачал головой.

– Не знаю, что тут можно придумать, если метро и узлы связи захвачены.

– Захвачены... это невозможно! – фыркнул Радищев. – Обе системы автономны и охраняются!

– Значит, в их охране, а ещё вероятнее – в центрах управления сидят агенты Знающих.

Воеводин посмотрел на Ивана.

– Мне тоже пришла в голову эта мысль, – виновато признался Иван. – Моя вина, надо было предусмотреть такой вариант развития событий.

– Потом будем анализировать степень вины каждого. Самое плохое, что я не могу открыто задействовать федеральный космофлот. Там тоже могут сидеть агенты Знающих.

Иван хотел напомнить генералу о том, что командор Погранслужбы Ярослава Тихонова вполне может отдать приказ своему комфлота, но в это время услышал тихий свист канала консорт-линии. Поднял ладонь:

– Мне звонят...

«Полковник, Джой Робертс беспокоит...»

«Слышу, капрал, рад, что вас нашли».

«Это не меня нашли, это я вас нашёл. Тут такое творится!»

«Без эмоций, пожалуйста!»

«Вчера на базу прибыла бригада технического обслуживания метро, человек двадцать, хотя причин выброса такого десанта не было никаких, просто система начала сбойть...»

«Короче!»

«А сегодня эти люди перебили охрану базы и захватили полигон, в кратере которого находится объект ZS! Кроме того, захвачены и центры управления транспортной системой и системой связи! Весь персонал базы согнали в транспортный ангар. Я и мой напарник чудом не попали под облаву!»

«Что делают эти... захватчики?»

«Это страшные люди! Они неуязвимы! Я видел по мониторам – их ничто не берёт! Судя по их разговорам – мы прослушиваем сеть интеркома, – они собираются активировать объект ZS! Большая часть нападавших перебралась к нему!»

«Почему вы не сообщили об атаке раньше?»

«Потому что она началась всего десять минут назад».

– Что... там?! – страшно посмотрел на Ивана Воеводина.

– Отмените «Гром»! – одними губами выговорил полковник. – Объявите общую ВВУ! Надо подключать федералов и погранцов!

Воеводина мгновение стоял неподвижно, не сводя застывших глаз с Грымова, затем нашёл глазами Радищева:

– ВВУ на макс! С извещением всех спецслужб!

По толпе вокруг снова прошло движение. На лица оперативников Плетнёва легла печать готовности решать любые задачи.

– Тревога пошла, – сжал губы Радищев.

– С кем ты говоришь? – повернулся Воеводина к Ивану.

– Джой Робертс. Секунду. – Иван подключил канал связи мена с генералом. – «Джой, вы можете разблокировать линию базового метро?»

«Не уверен, в отсеке наверняка поставлена охрана, мы вдвоём не пробьёмся».

«Вам не нужно прорываться в отсек, достаточно на пару мгновений включить линию из общего командного центра, сможете?»

«Не знаю...»

«Капрал, – заговорил Воеводина металлическим мыслеголосом, – я генерал Воеводина, подразделение «Сокол». Объявлен ВВУ-макс! Это касается всех спецслужб и всех подразделений силовых ведомств! Вашего тоже! Извольте подчиняться приказам!»

«Подождите, товарищ генерал, — мягко отвлѣк на себя Иван внимание пограничника. — Джой, я знаю, риск исключительно высок! Но подумайте о последствиях захвата полигона. На кону не судьба базы или Кеплера, и даже не судьба звѣзд Лебедя! На кону — жизнь всего человечества!»

«Я понимаю...»

«У вас есть близкие люди, которых вы хотели бы спасти?»

«Как и у всех... наверно...»

«Так сделайте это ради них! И я навеки буду ваш должник!»

Джой Робертс передал мысленный лайк: Иван уловил призрачную кошачью улыбку и прикосновение к щеке мягкой кошачьей лапки. Капрал оценил его просьбу по-своему, отзываясь подобием призывной улыбки, но разочаровывать трикстера в данный момент не хотелось.

«Давай, капрал!»

«Я... мы попробуем... полковник».

Иван перехватил взгляд Воеводина, прижал палец к губам.

Генерал кивнул, одобряя его речь.

— Ждѣм в камере! У нас будет всего пара секунд на всю процедуру высадки!

— Мы на стандарте, — напомнил Плетнѣв, имея в виду вооружение и экипировку группы.

— Нет времени на переоснащение.

— У меня с десятков «кольчуг» и неймсы, — встрепенулся

Радищев.

– Не успеем...

– А вдруг? – Начальник базы застыл, общаясь со службой обеспечения базы. – Сейчас принесут.

Воеводин жестом направил Плетнёва в камеру.

Бойцы без спешки, но очень быстро и слаженно заняли места у поручней, ожидая команды.

Потянулись минуты ожидания.

«Давай, Джой, Давай!» – поторопил Иван пограничника, хотя тот не подавал никаких признаков жизни.

Примчались грузовые кибы, принесли коробки с амуницией и ящики с оружием. Здесь были и «универсалы», и карабины «дракон» и неймсы – нейтрализаторы молекулярных связей, самый экзотический вид оружия, в луче которого таил любой вид материи.

– По очереди, по два! – бросил Плетнёв.

Бойцы бросились переодеваться: двое меняли костюмы, двое разворачивали.

Воеводин кивнул на Шапиро. Иван подал физику коробку с «кольчугой».

– Снимайте уник, быстрее! Натягивайте скаф!

– Я не справлюсь...

– Вам помогут.

Шапиро начал неумело переодеваться, без обычного ворчания, но суетливо и бестолково. Один из бойцов группы помог ему натянуть спецкостюм.

– На груди сенсор включения, – показал Иван, в свою очередь начиная переодеваться, надеясь, что успеет до того момента, когда – и если – метро бросит их «в струну» мгновенного перемещения за шестьсот с лишним световых лет от Солнечной системы.

Он успел.

Впрочем, успели все, даже Шапиро, не имевший никакого боевого опыта, если не считать таковым полёт с командой Маккены на спейсере «Ра».

– Открылся канал! – заговорил женским голосом инк транспортной системы базы. – Пуск!

Мигнули камерные осветители, на головы пассажиров свалилась плита темноты, гася сознание.

Иван очнулся от короткого небытия одновременно с Плетнёвым.

– Режим «лом»!

– Задача?

– Занять центр управления – раз! Занять полигон – два! Очистить объект ZS от «вирусят» – три!

– Выполняю. – Плетнёв отдал мысленную команду ожившимся бойцам. Двое из них встали с обеих сторон двери, направив на неё стволы плечевых «универсалов». Остальные рассредоточились вдоль стен кабины, превращённые «кольчугами» в металлических зеркальных «ки-боргов».

– Помочь? – Иван взял под руку Воеводина.

– Ему помощи, – буркнул генерал, кивнул на Шапиро.

Но физик справился с недомоганием сам, оттолкнул руку.

– Я в норме.

– Мне с группой?

– Идём вместе в ЦУП.

– Есть.

Дверь камеры мягко разошлась в стороны двумя сегментами.

Два «киборга» нырнули из-за стоек в проём двери, готовые открыть огонь.

За ними метнулась ещё одна пара.

Отсек метро полигона встретил их тусклым светом дежурных осветителей и тишиной. Кабины метро никто не охранял. Но за ними следили видеокамеры общего контроля, и медлить не стоило: захватившие полигонную базу пришельцы рано или поздно должны были отреагировать на прибытие неожиданных гостей.

Помчались по коридорам и пандусам комплекса, упрятанного под толщу скал и горных пород первого Кеплера, лишь один раз наткнувшись на сопротивление: два «киборга», мало отличимые от бойцов отряда, вывернулись навстречу из-за перегородок и колонн вариалифта. Вооружены они были «универсалами» и даже успели открыть огонь, но залп из неймсов превратил обоих в решето, и отряд Воеводина, спешащий на верхний горизонт базы, где располагался пункт управления полигоном, потерял всего несколько секунд.

Их встретили в кольцевом коридоре, опоясывающем цен-

тральный зал базы, из которого вырастала в небо планеты стометровая башня обзора.

Бежавший впереди боец группы внезапно дёрнулся назад, за выступ балкона над одним из технических колодцев комплекса, останавливая бегущих сзади, и в выступ с гулом врезалась невидимая «опухоль» гравитационного разряда, а за ней – трасса лазерных импульсов.

«Иван, мы наверху, нас перехватили!» – связался с Плетнёвым Грымов.

«Ждите подмогу! – отозвался капитан. – Отвлеките охрану!»

Грымов жестом дал команду спутникам, и они начали палять по стенам коридора из «универсалов», порождая гул и треск резонансов и дрожь стен.

Боец Плетнёва кинулся в коридор, перекатившись мячиком, дал очередь из своего наплечного «универсала».

Иван последовал за ним, сделал то же самое, поймал в колечко прицела на забрале шлема косую тень в лабиринте стоек, выстрелил из «неймса».

Раздался крик, тень исчезла.

В тылу засевших по обе стороны от входа в центр защитников началась стрельба, загремело.

Иван поймал ещё один движущийся блик, выстрелил.

Стрельба прекратилась.

«Свои!» – послышался чей-то мыслеголос, и в коридоре появились два зыбких, почти невидимых «призрака».

«Степан Фомич!» – позвал Иван.

Появились «киборги» – Воеводин и Шапиро.

Все собрались у двери в зал, на которой мигала красная полоска блокировки.

«Джой!» – на всякий случай вызвал пограничника Иван.

Робертс неожиданно отозвался, хотя Иван и не ждал ответа, считая его погибшим:

«Полковник, мы отступили в один из неиспользуемых штреков, Вероник ранен...»

«Мы уже возле главного зала, идём на штурм, присоединяйтесь!»

«Как вас узнать?»

«Вы в стандарте?»

«Обычные «кокосы»...

«Мы все в «кольчугах», опознаватель «свой» по запросу – две зелёные вспышки».

«Понял, возвращаемся».

Иван ткнул рукой в дверь зала, жестом попросил спутников отойти в сторону.

«Залп!»

Четыре невидимых копыя, вырвавшиеся из дул неймсов, вонзились в дверь, проделывая в ней звёздообразные дыры размером с туловище человека.

«Ещё!»

Второй залп довершил разрушение, правый сегмент двери с грохотом выпал в зал. Иван прыгнул в дымящуюся дыру,

ища глазами противника.

Сверкнули лазерные трассы, одна задела плечо, но защиту «кольчуги» пробить не смогла. Иван ответил. Ему помогли ворвавшиеся следом бойцы Плетнёва, и стрельба прекратилась.

Охраняли центр управления три «киборга». За изогнутым пультом, перед большим виомом сидели два оператора, третий – в чёрно-белом официал-унике чиновника высокого ранга, стоял справа от линейки кресел и задумчиво смотрел на картину в глубине виома, сложив руки на груди.

Виом показывал кратер, залитый густым «жидким» светом двух солнц в небе – оранжевого и тускло-жёлтого. В центре кратера располагалась странная конструкция, напоминающая тушу гигантского чешуйчатого кита с мордой крокодила и пластинчатой спиной черепахи. Это и был брандер Знающих-Дорогу, внутри которого пряталась Бомба Хаоса, предназначенная для уничтожения человеческой цивилизации. Длина «крокодилочерепахи» не превышала трёх километров, поэтому трудно было представить, чтобы такой несолидный «астероид» – по сравнению с планетой – мог разрушить объект диаметром более двенадцати тысяч километров. Но Иван помнил сообщение «пылевиков», чью систему уничтожила такая «крохотулька», и душа на мгновение ушла в пятки.

Воеводин откинул шлем, шагнул к человеку в чёрно-белом, крупноголового, с мощным лбом и с ещё более мощ-

ной челюстью.

– Ван дер...

Начальник полигона, принимавший участие месяц назад в испытании нового слим-модулятора, повернул к нему голову.

– Генерал...

– Я вас недооценил.

– Я вас тоже. Но вы не успеете, друг мой, сейчас мы запустим брандер, и вам останется только ждать, когда он протаранит Солнце.

Воеводин щёлкнул пальцами.

Иван двумя выстрелами снёс кресла перед пультом вместе с операторами.

Ван дер Ваальд презрительно изогнул губы.

– Это не поможет. Программатор на борту брандера, а он включается автономно.

Воеводин переглянулся с заместителем.

– Плетнёв?

– В кратере.

– Мчись туда, реши на месте!

Иван бросил взгляд на предателя, согласившегося служить эмиссарам Знающих.

– Его куда?

– Откроем метро – сдадим спецам.

Ван дер Ваальд снова скривил губы, продолжая наблюдать за «крокодилочерепахой», и стало понятно, что смерти он не

боится, зная о закладке в психике программы самоуничтожения.

– Беги, Ваня! – выдохнул Воеводин.

Иван метнулся из зала...

Глава 4

И один в поле воин

Сутки никто не спал.

«Ра» закрутил «стохастическую карусель» (по выражению Майкла Шеридана), то есть бегал по космосу в сфере радиусом два светогода, меняя галсы и траектории в соответствии с вероятностным разбросом, как меняет вектор движения молекула газа в броуновской толкотне, сталкиваясь с другими молекулами, и пока это помогало ему оторваться от преследования вражеского флота. Под защитой «зеркала» корабль был не виден, а точно определить местонахождение невидимой гравитационной «ямы», которой он стал, охотники не могли.

И всё же их было много. «Ра» метался в пространстве мелкими – до сотни миллионов километров – прыжками, Клиффорд насчитал более тысячи «крокодилочерепах», охранявших подступы к Парусам, и меньше их не становилось.

Разумеется, команда Руслана в маневрах никакого участия не принимала. Командовал парадом Маккена, его удивительно слаженный коллектив действовал безупречно, инк космолёта был на высоте, и осуждать кого-либо за неточность исполнения маневра или за неправильное действие было нельзя. Потому что неправильных действий не было!

Однако сторожевых «крокодилов» и в самом деле было

слишком много.

Первой об этом заговорила Роза Линдсей, инконик и астрофизик экспедиции, жена Маккены.

— Мы разворошили осиный рой, — проговорила она грустно. — Может быть, отступим?

Возбуждились пилоты «Ра», Воеводин и Терёшин, наперебой предлагая варианты маневрирования. Один из них, озвученный Артуром, показался Руслану заманчивым: нырнуть в Дыру за Парусами и переждать, пока паника в рядах вражеского флота прекратится.

Руслан оценил предложение сына Воеводина, однако извещать об этом Маккену не стал, справедливо полагая, что экипаж корабля сам в состоянии принять правильное решение.

Прошёл час, другой, третий.

«Ра» продолжал свои «заячьи» прыжки по ломаным траекториям, сбивающим с толку рать охотников и не позволяющим им приблизиться к кораблю на расстояние прицельного удара. Они, правда, стреляли, имея в своём распоряжении нечто вроде аннигиляционных пушек и лазеров, но попадали в основном в пустоту либо по своим же коллегам. «Ра» опережал их по всем параметрам, не отвечая пока на мощные выплески вражеских батарей.

Маккена молчал. Но, как оказалось, он просто обдумывал своё решение, не потеряв ни грамма твёрдости духа и решительности. Удивить этого человека или озадачить чем-либо

было невозможно.

– Пассажиры, есть разговор, – прилетел голос капитана в уши каждого члена группы Руслана.

– Слушаю вас, Рудольф, – после паузы отозвался молодой человек, созерцавший, как и все подчинённые, необозримый океан космоса, пронизанный острыми лучами звёзд и всполохами энергетических разрядов, наносимых мечущимися вокруг Парусов «крокодилочерепаками».

– Вопрос на засыпку: что произойдёт, если мы нырнём в Большую Дыру?

Руслан хотел напомнить капитану, что в экипаже есть свой специалист-астрофизик – Роза Линдсей, но подумал, что Маккена уже посоветовался с ней и хочет услышать другое мнение.

– Майкл?

– Э-э... – промямлил Шеридан, которого явно застал врасплох вопрос командира группы. – Я полагаю... мы ещё не совсем уверены, какой мерности брана врезалась в нашу 3-брану...¹² возможны эффекты... по тем данным, что мы располагаем, можно судить лишь о возрастании мерных осцилляций вакуума в слабополеовом базисе...

– Попроще, пожалуйста.

– Э-э... в данном случае мы имеем дело не с сингулярностью типа чёрной дыры, а с областью иномерного континуу-

¹² В соответствии с теорией «суперструн» наша Вселенная представляет собой 3-брану; брана – от слова «мембрана» – элементарный объект теории струн.

ма, порождающего коллапс волновой функции...

– Ещё проще.

– Материальные объекты нашего континуума, скорее всего, начнут распадаться на «струны», так сказать, испаряться... устье Дыры по сути представляет собой гиперповерхность с многомерным волновым фронтом... обладающим бесконечным значением тензора Римана...

– Очень просто, – фыркнул кто-то.

– То есть вы хотите сказать, что корабль начнёт испаряться?

– Ну-у... какое-то время он способен продержаться под защитой «зеркала»... если не начнётся фазовый переход...

– Понял, спасибо. – Маккена отключил связь.

– Майкл, вы и в самом деле считаете, – спросила Марианна Вележева, – что в иномерном континууме Большой Дыры мы продержимся какое-то время?

– Я не утверждаю, – пробормотал физик. – Я надеюсь.

Послышались смешки: последнюю фразу физика услышал экипаж корабля.

Прыгнули в глубь созвездия Кентавра на десять световых лет.

– Предлагаю всем обсудить ситуацию, – объявил Маккена, когда инк доложил ему об отсутствии в данной области пространства каких-либо источников опасности; «крокодилочерепахи» сюда не залетали. – Есть два варианта. Первый – сбросить «суслик» за Парусами, поближе к Дыре, и попы-

таться отразить все атаки «вирусного» флота, пока нам не передадут груз. Второй – подойти вплотную к Дыре, практически войти в неё и уже там сбросить «суслик». После чего дожидаться брандер и отправить его в Дыру поглубже. Что скажете?

Корабль объяла тишина. Молчали даже не унывающие ни при каких обстоятельствах ёрники Иванов и Терёшин.

– Вообще-то оба вариантадохлые, – заметил вдруг Веласкес, чего от него никто не ждал. – Ни тот ни другой не гарантирует достижения цели.

– У вас есть другое предложение? – с подчёркнутой вежливостью спросила Вероника Солнышко.

– Нет.

– А желательно иметь, – осуждающе проговорил Вячеслав Терёшин, всегда и во всём соглашавшийся с мнением Вероники.

– Запустить «динго»¹³, – несмело заявила Вележева.

– Да? – благожелательно поддержал её Маккена. – Для чего?

– Отвлечь охотников...

– Неплохая идея, мы ею обязательно воспользуемся, однако нужен радикальный выход.

Руслан набрался сил.

– Есть выход, – сказал он. – Запускаем «динго» корабля, а

¹³ «Динго» – от слов «динамическая голография», – копия объекта в натуральную величину.

лучше два или три, чтобы охотники бросились за ними в погоню, прыгаем к Дыре, сбрасываем «суслик», вместе с программатором на борту, закрываем его «зеркалом»... после чего корабль начнёт отвлекающий маневр.

Ответом ему было молчание. Потом заговорил Артур Воеводин:

– Это уже серьёзный план, да, командир? Просчитаем, подготовимся... всего один вопрос: «суслик» можно спрятать под «зеркало»?

– Можно, только он не сможет после этого принять груз, – ответила Вележева. – «Зеркало» представляет собой слой деформированного вакуума, который не позволит сигналу с Кеплера пробиться к «суслику».

– То есть нужно, чтобы «суслик» кто-то разблокировал, находясь на самом модуле.

– Не обязательно на самом модуле, команду можно подать с борта любого летателя рядом, но он должен будет находиться рядом с «сусликом».

– Всё равно нужен оператор.

– Я включу «суслик»! – как можно твёрже заявил Руслан.

– Герой! – восхитился Терёшин.

– Мы вместе это сделаем! – отрезала Марианна Вележева не менее твёрдо. – И проследим за приёмом груза.

– В окружении «крокодилов»? – с ехидной ноткой спросил Терёшин. – А они будут смотреть на вас и аплодировать.

– Отставить тон, пилот! – сухо оборвал подчинённого

Маккена. – Никто не собирается рисковать жизнью в таких условиях. Думайте ещё, предлагайте другие варианты. Отдыхаем час, режим стандартный.

Послышались весёлые голоса членов экипажа, шум, смех, сеть корабельного интеркома никогда не отключалась, но никто не обращал на это внимания. Экипаж собрался пить кофе в кают-компании и приглашал пассажиров присоединиться.

Час пролетел незаметно. Группа Руслана давно перестала чувствовать себя как в чужом доме, леди обоих коллективов легко перешли на «ты», остальные тоже сдружились, и Руслан почувствовал себя не пассажиром, а членом дружной семьи, да ещё с особыми полномочиями: за исход миссии в большей степени, чем другие, отвечал он.

Компания уже возвращалась в свои боксы-каюты, когда Маккена напомнил о себе:

– Дамы и господа, прошу занять места. Мы получили депешу с базы Энцелада: брандер захвачен агентами Вируса, однако может быть запущен к нам в любой момент! Посему включается режим ЧС! Горюнов, предлагаю реализовать вашу идею.

– Я... готов! – едва не взял «под козырёк» Руслан.

– Берите любой модуль из имеющихся в наличии на борту, устанавливайте программатор, включайте слим-модулятор в режим приёма груза. Мы десантируем вас как можно ближе к Дыре, а потом заберём, когда «суслик» примет груз.

– Спускаемся. Команде – в трюм!

Выбрались из кают, сели в вариалифт, добрались до грузового отсека.

– Командир, должна запустить «суслик» я! – возбуждённо заговорила Марианна. – Это моя епархия! Я отвечаю за его работу!

– Мне тоже надо лететь, – флегматично заметил Шеридан. – Я могу быть полезен при расчётах режимов в условиях нелинейного взаимодействия континуумов.

– А я отвечаю за безопасность группы, – подвёл итог переговоров Веласкес. – Летим все!

Тёплая волна благодарности омыла сердце. Он не ошибся в подборе команды, и только участие всех в чудовищно опасной аванюре могло гарантировать успех десанта.

– За работу!

Что-то пробормотал Терёшин, ему резко ответила Вероника, но Руслан не прислушивался к их репликам. Наравне со всеми он принялся готовить «суслик» к сбросу, привычно настраивая нервную систему на стрессовую нагрузку и веря, что у них всё получится.

Выбрали хорошо защищённый грузовой драккар, погрузили в него программатор для «суслика», способный запустить его дистанционно, хотя он имел и собственный контур управления.

Сняли с капсулы «суслика» все крепления, с помощью кибов установили аппарат в катапульту для сброса в космос

разного рода спутников.

Заняли места в драккаре.

– Мы готовы, – доложил Руслан в рубку управления.

– Включайтесь в общую визор-сеть, – предложил Маккенна. – Будете видеть то же, что и мы.

Воткнули разъёмы инфоров в гнёзда на подлокотниках кресел драккара. Перед глазами каждого пассажира раскрылась угольно-чёрная полусфера обзора, сориентированная таким образом, что стали видны ажурные куртины Парусов, занимающие чуть ли не половину фронтального поля видимости. С расстояния в сто миллионов километров они казались хрупкими светящимися паутинками, складывающимися в изумительно красивый фрактальный узор, но диаметр Антенны, выращенной Знающими-Дорогу «из пустоты», достигал пяти световых лет, и масштаб деятельности Вируса в Метавселенной человечества кружил голову. Люди такие грандиозные конструкции создавать не могли, несмотря на успешное строительство Суперструнника за орбитой Марса.

Сфера обзора выстрелила пологом темноты: «Ра» прыгнул.

Сознание прояснилось.

Паруса перед глазами Руслана исчезли: они теперь находились за кормой космолёта.

Чуть вверх и впереди возникло световое облако, за считанные доли секунды сформировавшееся в двойной конус космического крейсера. Конус – это была голографическая

копия крейсера земного космолота «Лалангамена» в натуральную величину («Ра» имел форму одиночного конуса) – скачком переместился влево по ходу движения самого «Ра», начал удаляться.

Какие-то крупные звёзды на фоне звёзд неподвижных сорвались с «небосклона» вслед за «динго». Отколовшийся от основного видеоизображения кусок малого виома показал тушу «крокодилочерепахи». Голографический пузырь заметили, и за ним бросились в погоню сторожевые «псы» Антенны.

На глаза упала чёрная накидка: «Ра» сделал ещё один прыжок.

На сей раз он зашёл с другого края Антенны, повторил сброс «динго» и тут же нырнул в «струну», чтобы через несколько мгновений выйти из «подпространства» в нужном районе – у обреза Большой Дыры, который Майкл Шеридан назвал «гиперповерхностью с бесконечным значением тензора Римана».

Они снова были в космосе – наедине с чёрной пропастью, сверкающей алмазными россыпями скоплений галактик в безбрежных просторах пространства. Однако в отличие от прежнего положения, когда группа располагалась в надёжно защищённых капсулах в глубинах космолёта, ощущения были другими. Драккар тоже был неплохо укрыт и даже имел полевые мембраны, маскирующие его размеры и конструктивные особенности, но одно дело – прятаться

в боксах внутри огромного мощного корабля, другое – сидеть в кокон-креслах небольшого судна, пусть и скоростного, и маневренного, но не обладавшего серьёзными средствами защиты.

Впрочем, никто из членов группы об этом не думал и пути отступления не искал. Все хотели одного – выполнить поставленную перед ними задачу, и настраивали себя так, как умели.

Руслан подключил контур режима аффилированной связи с киб-пилотом драккара (это был обычный компьютер, не имеющий персональных характеристик, поэтому о режиме «один-на-один» речь не шла) и мог теперь мысленно управлять аппаратом с весьма приличной скоростью.

Марианна взяла на себя управление «сусликом» и программатором, получая ответы от двух систем сразу.

– Слим готов к приёму груза! – доложила она.

– Ждём, – отозвался Руслан, отводя драккар от раскрывшейся лепестками тюльпана капсулы слим-генератора на полкилометра, но не отключая магнитных захватов, удерживающих «суслик» не хуже троса.

Вокруг пока ничего особенного не происходило.

Паруса – хрупкий «морозный узор» на прозрачной бездне космоса – сияли в сотне миллионов километров «за спиной».

Кольцо красных звёзд, окружавших чёрный провал тьмы перед носом драккара, испускало угрюмое сияние, подчёр-

квивающее угрозу, исходившую от провала.

Пару драккар – «суслик» сносило в этот провал, поэтому приходилось сдерживать снос постоянно работающими антигравитами, но пока мощности двигателей драккара хватало, можно было не беспокоиться об этой проблеме.

«Ра» исчез, начиная дразнить сторожевых «псов» Антенны где-то у её края. Но увидеть его маневры пассажиры драккара не могли, аппарат не обладал мощными системами обзора, да и световой сигнал от космолёта долетал в эту область пространства не мгновенно, приходилось ждать минуты, так как их разделяло расстояние в десятки миллионов километров.

Не проявляли себя и «крокодилочерепахи», стерегущие Антенну, по тем же причинам: любой сигнал от них (не считая разве что «суперструнного» пакета) достигал глаз наблюдателей в драккаре далеко не сразу, тем более если они тоже находились далеко отсюда.

Лишь дважды Руслан засёк слабые вспышки света, похожие на тонкие метеорные следы в атмосфере Земли. Возможно, это проявились сторожевые корабли Знающих. Но проходила минута за минутой, рядом с парой земных аппаратов никто не выныривал из темноты, и Руслан слегка расслабился, подумав: «Может, пронесёт? Никто нас не заметит? Отделаемся лёгким испугом?»

– Как настроение, орлы? – бодро спросил он.

– Нормально, – ответил Веласкес.

– Что-то слишком тихо, – рассмеялась Марианна.

– Майкл?

– Я думаю, – откликнулся Шеридан. – Хотелось бы заглянуть в Дыру. К сожалению, эта машина не имеет таких систем физического анализа, какие установлены на «Ра». Здесь, всего в сотне тысяч километров от нас, изменяется барионная структура нашего континуума, а мы ничего не видим и не ощущаем.

– И хорошо, что не ощущаем. Хотя, с другой стороны, и в самом деле хочется понять, что происходит.

– Меняется волновая функция вакуума... к нам выплёскивается не простой бозе-конденсат, а несимметричный, осциллирующий, псевдоголдстоуновский фрагмент бран-дистиллята.

– Переведите.

– Многомерный «туман», образно говоря.

– От него можно закрыться?

– Не знаю, не уверен, там само время становится многомерным и превращается в пространство... и наоборот.

– Не могу представить, – покачал головой Руслан.

– Я тоже, – признался физик под смех спутников.

Включилась рация драккара, имеющая стринг-модем:

– Горюнов, что у вас?

– Тишина. А у вас?

– Стреляют, – прилетел смешок Терёшина.

– При малейшем подозрении на атаку – сигнальте!

– Непременно.

– Стреляют... – задумчиво проговорила Марианна. – За ними сейчас охотится весь здешний «крокодилий» космопарк!

– Они уже сражались с охраной Антенны, – сказал Веласкес флегматично.

– Это ни о чём не говорит.

– Это говорит о настрое команды. Опытней Маккены у нас в космофлоте нет капитана. Да и вооружён «Ра» неплохо.

– Их слишком много.

– Численное превосходство когда-нибудь кончается.

Веласкес не ответил.

Помолчали, разглядывая паутину Парусов-Антенн и россыпи далёких галактик, одна из которых копьём устремлялась к угрюмому ожерелью красных звёзд. Нервничали. Ждали событий. Ждали появления груза.

И дождались, но не того, чего хотели.

С трёх сторон сферы обзора к драккару покатались звёздочки поменьше, нацеливаясь на «тюльпан» слим-генератора.

– Охотники! – процедил сквозь зубы Веласкес.

– Рудольф, к нам гости! –отреагировал Руслан, ощущая непреодолимое желание схватиться с «крокодилочерепахой» в прямом бою и сломать ей хребет.

– Понял, идём к вам! – ответил Маккена.

Счёт пошёл на секунды...

Глава 5

Ждите посылку

Спасти Ван дер Ваальда не удалось. Программа самоликвидации, встраиваемая эмиссарами Знающих в психику добровольно согласившихся сотрудничать с ними людей, сработала раньше, чем на базу полигона, расположенного на первом Кеплере, прибыли медики «Сокола». Единственное, что он успел сказать перед смертью, а по сути – проговориться, – было заявление: они не остановятся!

Терять Знающим-Дорогу и в самом деле было нечего, а время для них ничего не значило. Во Вселенной «вирусят» оно не играло роль длительности физических процессов, представляя собой несколько пространственноподобных измерений.

Представить себе пространство с дополнительными временными измерениями Воеводин не мог, поэтому и не стал углубляться в эту область физики, будучи конкретно мыслящим человеком. Но вопрос эксперту он всё же задал, так как хотел знать, к чему стоило готовиться. Когда тело начальника полигона унесли, глава «Сокола», не спускавший глаз с глыбы «крокодилочерепахи» в растворе виома, проговорил: – Всеволод, что произойдёт, если БОХ взорвётся здесь, на Кеплере?

Шапиро, также поглядывающий на кратер с торчащей из

него тушей брандера, сел рядом с Воеводиным перед пультом, устало откинулся на спинку кресла; напряжение, в каком они пребывали уже второй час с момента броска на Кеплер, начало сказываться и на нём.

– Нужен небольшой экскурс в историю.

– Если только совсем небольшой.

– Наша Мета вселенная рождалась как 11-брана, то есть имела одиннадцать измерений, десять пространственных и одно временное.

– Где-то я уже слышал об этом, – с иронией сказал Степан Фомич.

– Прошу прощения, генерал, что приходится повторять элементарные вещи. После периода инфляционного расширения семь из десяти пространственных измерений схлопнулись в «суперструны», оставив нам три – длину, ширину и высоту. Мета вселенная Знающих, врезавшаяся «углом» в нашу в районе Кентавра-Парусов, имеет *другой* набор констант и физических законов. А главное – она реализована с другим набором измерений! Понимаете?

– Дальше.

– По косвенным данным она не трёхмерна, а по крайней мере шестимерна. Уточнить количество измерений я не могу, но считаю, что их больше шести и меньше семи, то есть Вселенная Знающих имеет нецелочисленное количество измерений. Кстати, наш континуум тоже не точно трёхмерен, он упрощается с ростом ускорения расширения и скатывает-

ся к двумерии. В настоящее время мы перестали быть трёхмерными существами, цифра близка к двум целым и девятьсот девяносто восьми тысячным. Одно из пространственных измерений потеряло часть протяжённости.

Воеводин отвлёкся от созерцания «крокодилочерепахи». в кратере уже высадились отряды Федеральной Службы безопасности, наравне с силами контрразведки, и успешно освобождали кратер и сам брандер от захватчиков, не успевших спровоцировать взрыв Бомбы Хаоса, – лицо генерала на мгновение потеряло твёрдость гранита.

– Это ваши личные фан... э-э, выводы?

– Нет, генерал, это не мои фантазии, – усмехнулся Шапиро. – Это результат исследований физиков с мировыми именами, работающими с М-теорией. Согласно их оценкам наш метagalacticкий домен теряет трёхмерность. До свёртки трёхмерия в 2-брану нам ещё далеко. Теперь о взрыве Бомбы. Поскольку она представляет собой «кристаллизованный» вакуум Вселенной Знающих, то при активации он начнёт стремительно расширяться.

– Как Ось Зла в Омеге Кентавра?

– Я уже говорил, там порождён другой процесс – фазовый переход с диссипацией мерности до гигантских величин. Если же взорвётся БОХ, – Шапиро ткнул пальцем в виом, – наши обычные пространственные измерения начнут свёртываться в струны, а свёрнутые измерения, взаимодействуя с вакуумом мира Знающих, начнут разворачиваться из микро-

скопически малых, становиться большими, протяжёнными.

– И что будет?

Шапиро взъерошил волосы на голове.

– Барионная материя нашего домена просто-напросто перейдёт в «суперструнное» состояние. Протоны, нейтроны, кварки – станут «суперструнами», свернутся в сверхмалые объекты с планковскими размерами. Планеты, туманности, звёзды – исчезнут. Нашу брану заполнит Великая Пустота.

– Полно!

– Ну, я, может быть, несколько преувеличил масштабы, БОХ всё-таки имеет конечные размеры и массу, её взрыв, скорее всего, уничтожит лишь планеты и звёзды Кеплера. Остальное звёздное окружение созвездия уцелеет.

– Спасибо и на том.

– Не за что. Единственное, чего я ещё не просчитал, – это взаимодействие ударной волны многомерного перехода с чёрной дырой. Не хватает данных. Я не знаю, чья энтропия выше – чёрной дыры или ударной волны. Но эффекты должны быть офигительными!

– Это физический термин?

Шапиро расхохотался.

– Это мои эмоции.

– Наши ребята сейчас в Кентавре-Парусах, у Антенны, они сделают необходимые замеры.

– Нужны параметры среды в самой Вселенной Знающих, а для этого надо нырнуть в Дыру и замерить там.

– Возможно, мы запустим туда зонд.

– Зонд – это хорошо, – погрузнел Шапиро. – Но мне хотелось бы самому быть в кабине зонда.

– Вот только без фанатизма, – буркнул Воеводин.

– Генерал, зачистка закончена, – принесла рация голос Грымова. – Потери: двое наших, четверо федералов.

– Сколько было захватчиков?

– Не менее двух взводов.

– Когда их успели зазомбировать и, главное, где?

– Выясним.

– Что на брандере?

– Один из операторов ещё дышит, лежит под реаниматором, можете допросить его лично.

– Бегу. – Воеводин встал, жестом предложил Шапиро следовать за ним. – Нас ждут.

Однако сразу отправиться к кратеру не удалось. Уже за пределами зала Воеводина настигло сообщение дежурного инка сети «спрута», что с ним хочет обсудить ситуацию глава Федеральной контрразведки, начальник Управления «К», адмирал Тадеуш Гицгер.

Агентом Вируса Гицгер не был, но в схватке контрразведчиков с агентурой Знающих себя не проявил, и Воеводин был невысокого мнения о его организаторских и других способностях, однако вынужден был с ним считаться и отвечать на запросы ведомства.

Пришлось вернуться в зал и включить обратку с пульта

управления полигоном.

Напротив Воеводина вином соткал голографическую фигуру адмирала, маленького роста (метр с кепкой, как отзывался о таких малышах Ваня Грымов), худого, коричневолицего, морщинистого, с большими скрученными ушами; сотрудники Управления называли его меж собой не иначе как «пришелец».

– Что вы затеяли на Кеплере, генерал? – брюзгливо осведомился Гицгер. – Зачем подняли по тревоге все службы?

Воеводин пожалел, что не предупредил дежурного инка о своей крайней занятости.

– На базу системы Кеплера напали террористы, – сухо произнёс Степан Фомич. – Есть жертвы. Через два часа доложу вам о событиях и причинах происшедшего по всей форме.

– Мне уже доложили. Вы действуете, не имея качества ответственности. Понимаете, чем это может вам грозить?

– Императив ВВУ позволяет не отвлекаться на организацию качества. По причине масштаба угрозы и отсутствия времени. Вы должны это знать. А масштаб угрозы таков, что вы сделали бы то же самое: под ударом вся система звёзд Кеплера! Мало того, если террористам удастся поднять брандер, под ударом может оказаться Солнечная система!

– Это не освобождает вас от исполнения инструкций.

– На моём месте любой человек действовал бы точно так же!

– Не расписывайтесь за всех! – Гицгер пожевал губами, подыскивая формулировку. – Боюсь, вам придётся ответить по закону. Ваше хвалёное суперсекретное подразделение не справляется со своими прямыми обязанностями – поиском иноразумной агентуры, я вынужден доложить об этом в вышестоящие инстанции. – Начальник Управления контрразведки помедлил: – В Комитет безопасности!

Воеводин невольно подумал, что наблюдатели ошиблись и Тадеуш всё-таки служит Вирусу. Гицгер *слишком* хорошо играл недалёкого служаку, прячущегося за инструкции, что было допустимо для чиновника, пусть и высокого ранга, но недопустимо для контрразведчика.

– Это ваше право. Только прошу учесть одно обстоятельство: вас обязательно спросят, где были вы!

Повернувшись к изображению спиной, Воеводин зашагал мимо стоявшего в двух шагах Шапиро. В коридоре он процедил сквозь зубы:

– Каков сукин сын, а?!

– Плохо, что это не наш сукин сын, – фыркнул физик, спеша следом.

В транспортном терминале базы их ждали флайт и двое парней Грымова, упакованных в «кольчуги». Иван прислал их специально, так как беспокоился за жизнь начальника больше, чем за свою, и Воеводин в который уже раз подумал, что у него есть хорошая смена и пора уходить на покой.

Взлетели над горным рельефом гигантской планеты, оку-

танной плотной углекислой атмосферой, в отличие от двух других планет, таких же больших, но не имеющих такой воздушной оболочки. Правда, все три планеты, нередко меняющие орбиты, перелетающие от одной звезды к другой, практически ничем, кроме состава атмосфер, не отличались друг от друга, за что систему и называли «тройным Кеплером».

Воеводин не был ни на одном из Кеплеров, поэтому невольно увлёкся созерцанием пейзажа и двумя светящимися куполами в разных концах небосвода. Это были звёзды системы, одна поярче, жёлто-оранжевая, усеянная «кустиками» протуберанцев, вторая потусклее, красная, вся в тёмных оспинах менее нагретых ячеек.

Кроме того, в небе планеты виднелись ещё два диска, совсем тусклые, подёрнутые дымкой, – соседние планеты Кеплера, а также узкие хвосты метеорно-пылевых колец.

Флайт перевалил через горную цепь, и перед ним распахнулся огромный кратер, в центре которого угрюмо высилась чешуйчатая, иссечённая трещинами, зеленоватая гора «крокодилочерепахи», издали и в самом деле напоминавшая по форме этих земных животных.

Над кратером суетились облачка искр: императив ВВУ со-
гнал сюда весь флот системы, и к туше брандера слетелись «пакмаки» и катера ФСБ, Погранслужбы и МЧС. Вверху, на стокилометровой высоте, сверкал двойной конус спейсера «Миннесота», принадлежащего пограничникам, наблюдавшего за суе-
той летательных аппаратов поменьше как пастух

за стадом овец.

Киб-пилот флайта знал маршрут, поэтому ждать маневра и разрешения на посадку не пришлось. Прodelав стремительный пируэт над горбом брандера Знающих, аппарат с ходу воткнулся в двадцатиметровой высоты бликующий стеклом купол научно-исследовательского комплекса, рядом с линейкой других аппаратов.

По коридорам сооружения ходили парами и тройками спецназовцы в боевых комби, вооружённые до зубов, с турелями «универсалов» на плечах. Кое-где виднелись лежащие на полу и в помещениях тела работников комплекса, убитых захватчиками, и блистающие металлом фигуры самих захватчиков. Всё здесь говорило о недавнем коротком, но жестоком бое, и Воеводин мимолётно подумал, что больших потерь удалось избежать лишь благодаря профессионализму бойцов Плетнёва, прошедших великолепную школу войны с агентами Знающих.

Грымова и его команды в зале управления исследовательского центра не было, они ждали генерала где-то в недрах брандера, о чём Иван и доложил шефу после того, как тот его вызвал.

– Спускайтесь к нам, – сказал полковник, – мы стережём подходы к трюму брандера, где спит БОХ. Из купола сюда проложен технический коридорчик.

Один из парней, встретивших Воеводина и Шапиро, махнул им рукой, получив приказ проводить начальство. Дви-

нулись за ним.

Коридор, соединявший комплекс и тушу «крокодилочерепахи», представлял собой прозрачную трубу длиной около сорока метров, по дну которой были проложены пучки кабелей. Труба была герметичной, но шлемы снимать не стали во избежание сюрпризов.

По мере приближения к горе брандера становились отчётливо заметны детали его обшивки, и Воеводин с содроганием увидел причудливые изгибы, петли и ажурные ростки «мха», облепившие нижнюю часть корпуса брандера, так хорошо знакомые по фотографиям ферм, соединявших звёзды Оси Зла. Что-то здесь произошло. То ли включилась какая-то особая программа защитных устройств брандера, начавших выпускать «пар» из Бомбы, то ли её субстанция сама нашла трещины в обшивке. Сути это не меняло: БОХ действительно могла рвануть в любой момент!

– Я тоже так считаю, – заявил Грымов, встретивший Воеводина внутри выходной камеры брандера и оценивший его молчание. – Надо немедленно запускать эту чёртову посудину в район Парусов!

– Если «Ра» готов её встретить.

– Ребята наверняка приготовились к приёму, я уверен в профессионализме Маккены. И Руслана.

– Веди.

Грымов, не снимавший шлем «кольчуги», как и его подчинённые, повёл генерала в недра «крокодилочерепахи».

Это был самый настоящий космический корабль, способный мгновенно преодолевать огромные расстояния в тысячи световых лет, хорошо вооружённый и полностью автоматизированный. Изучавшие его специалисты технического управления «Сокола» вообще склонялись к мысли, что корабль, используемый Знающими в данном случае в качестве брандера, то есть судна, начинённого взрывчатыми веществами для уничтожения судов вражеского флота, представляет собой квазиживой организм. Никто его не строил по чертежам, его вырастили из материалов, считавшихся на Земле экзотическими: из фуллерена, графена, карбина, – а также из необычных изотопов железа и иридия, и одному богу было известно, где создатели «крокодильего» флота нашли эти элементы. То ли выращивали их искусственно, то ли добывали в других метagalacticких доменах, то ли ввозили «контрабандой» из Вселенной Знающих.

Как бы то ни было, корабль создавали не люди и не для людей, судя по геометрии его помещений и несущих конструкций. Воеводин, знакомый с техникой орилоунов и тартариан, с проснувшимся интересом разглядывал рубчатые, усеянные выпуклыми «шляпками грибов» и рядами дыр, стены коридора, гадая, кто мог сконструировать такое сложное сооружение, и Грымов, шагавший впереди, словно почувствовал переживания начальника.

– Предположительно, – сказал он, – брандер выращен по образу и подобию Знающих-Дорогу.

– Кто вам такое сказал, молодой человек? – возбудился молчавший до этого Шапиро. – Мы с Исфандияром сделали кое-какие расчёты, из которых видно, что «крокодилы» выращены в пространстве с числом измерений больше трёх и меньше четырёх. Возможно даже, там они имели другую форму, а на «крокодилов» стали похожи в нашем континууме. Но это не мир Знающих, живущий по законам большего количества измерений. Знающие просто использовали чужую технику для своих целей.

– Вам виднее, – не стал спорить Грымов. – Я не ксенолог и не физик.

Труба коридора вильнула и упёрлась в дыру, явно проделанную в кишке коридора с помощью неймса.

Помещение, где работали инконики техотдела, специалисты по компьютерным технологиям, инженеры и ксенологи, походило на вздутый желудок кита с перепончатыми округлыми стенами. Из синеватой выпуклости дальней стены торчали рога и сложные антенны земных аппаратов, служащих для связи с «мозгом» брандера. Эти антенны были установлены не специалистами «Сокола», а работниками полигона, подчиняющимися агентам Знающих, ещё до захвата «крокодилочерепахи» контрразведчиками. Эксперты Федеральной Службы безопасности только-только начали вникать в тонкости работы главного компьютера корабля, когда их всех до одного перебили новые захватчики.

Воеводин покосился на тела, сложенные у стен помеще-

ния слева и справа от двери, и подошедший Плетнёв (судя по голосу) отрывисто проговорил:

– Слева – операторы и наши парни, справа – атаканты.

Погибших технических специалистов системы управления было семеро, бойцов группы Плетнёва – двое, захватчиков – пятеро.

– Можно? – шагнул Шапиро к пультам и цепочке виомов, венчающих «рога» антенн и следящих устройств.

– Только ничего не трогайте, – предупредил Воеводин.

– Конечно, конечно... – Физик сел в кресло.

Грымов указал на одного из лежащих:

– Вот он.

Воеводин подошёл к телам погибших, возле которых мялись два «киборга» из группы Плетнёва. Уцелевший оператор лежал в шаге от них, запрокинув к потолку бледное лицо с крючковатым носом и закрытыми глазами.

– Он... дышит?

– Получил «блямбу», – сказал Плетнёв, имея в виду гравитационный импульс. – Переломаны кости, но живой. Сейчас ребята развернут реаниматор, доставим его в госпиталь. Он испанец, Гильермо Гонзалес, работал в лаборатории Сенткома по линии ФСБ.

– Приведите его в чувство.

Грымов нагнулся, потрепал плечо раненого. Тот открыл глаза.

– Можете говорить? – нагнулся к нему Воеводин.

Человек не пошевелился.

– Он меня слышит?

– Интерком включён, минуту назад он с нами разговаривал.

– Вы меня слышите?

Глаза раненого начали светлеть, проясняться.

– Си, сеньор...

– Что происходит с брандером? – перешёл Воеводин на испанский.

– Ло сентимос?¹⁴

– С объектом? Почему он начал обрастать мхом?

– Мы подозреваем... повреждена защита камеры... началась утечка вацио радиоактивно...

– Этой чёртовой начинки БОХ, – пробормотал Плетнёв.

Воеводин оглянулся на Шапиро.

– Всеволод, подойди.

– Сейчас-сейчас, – пробормотал физик, продолжая изучать пульт и вспыхивающие в малых мониторах картинки, – минуточку... тут интересно...

– Всеволод!

Шапиро с трудом оторвался от созерцания пляшущих в растворе виома кривых, подбежал к группе контрразведчиков.

– Прошу прощения.

– Он говорит об утечке «радиоактивной пустоты».

¹⁴ Lo sentimos – извините (исп.).

– Значит, резервуар с Бомбой прохудился, и наружу начинает просачиваться многомерный «вирусный» вакуум. «Мох» – следствие его взаимодействия с нашей трёхмерностью.

– Что можно сделать?

– Да ничего. Запустить бы внутрь резервуара зонд... хотя не успеем.

– Ты хочешь сказать...

– Надо срочно избавляться от «крокодила» с его «яйцом». Может, БОХ и не взорвётся, но даже малая утечка иномерного континуума наделает бед!

Воеводин снова повернулся к раненому.

– Вы видели, чем занимались ваши сменщики? Те, кто сюда ворвался?

– Да...

– Чем?

– Они... готовили... объект... к запуску...

– Куда?!

Раненый ослабел, лицо его побледнело ещё больше, из уголка губ стекла под воротник струйка крови.

– На Землю... Антарк... – Глаза испанца закатились.

Воеводин выпрямился.

– Где врачи, чёрт побери?!

В зал ворвались два «киборга» и грузовой киб, тащивший на себе прозрачную капсулу реанимакамеры. Бойцы Плетнёва начали её устанавливать.

Степан Фомич посмотрел на заместителя.

– Ты понял?

– Второй «суслик», готовый принять брандер, установлен в Антарктиде!

– Немедленно поднимай поисковиков!

– Слушаюсь!

Грымов отошёл, общаясь с дежурным инком «Сокола» по сети «спрута».

Воеводин повернулся к Шапиро, но задать вопрос не успел.

Подбежал Плетнёв.

– Товарищ генерал, на комплекс прибыла делегация из центра, требует всем покинуть территорию полигона!

– Из какого центра? – удивился Воеводин, включая кон-сорт-линию менара. – «Шалва, что происходит?!»

«Новый директор ФСБ издал распоряжение наглухо закрыть зону над первым Кеплером, – ответил инк, – якобы для обеспечения безопасности. Наших парней велено вязать как действующих на основании преступного приказа! Задерживают даже пограничников!»

«Кто с ним встречался? С директором? Гицгер?»

«Данных не имею».

Воеводин поманил рукой Грымова.

– Слышал?

– Слышал. Это наверняка Гицгер взбеленился. Но я не помню, чтобы Ассамблея СОН назначала кого-то директо-

ром вместо Вондлярского.

– Исполняющим обязанности стал его зам Будрис.

– Неужели он – эмиссар Знающих?

– Некогда обсуждать эту кандидатуру. Что будем делать?

– Надо немедленно запускать брандер, – сказал Грымов убеждённо. – Иного пути нет! Если БОХ взорвётся – спишут всё на нас.

– А мы сможем послать посылку? – Воеводин посмотрел на Шапиро. – Всеволод, как долго ты будешь разбираться в программе запуска?

– Да что в ней разбираться? – пренебрежительно отмахнулся физик. – Нет ни одной программы сложнее М-теории. Включаем «один-на-один», даём команду инку стартового контура, «суслик» посылает груз.

– Но для этого нужно кому-то занять место оператора. Кстати, где модуль контроля за «сусликом»? В общем зале управления комплексом?

– Здесь, – осклабился Шапиро. – Они успели перенастроить систему посылы, собираясь запустить брандер вместе с оператором. Но я попробую покомандовать стартом через менар. Тогда оператор непосредственно в командном пункте, – Шапиро очертил пальцем зал, – не потребуется.

– Садитесь, работайте! – Воеводин помедлил секунду, принимая решение, вполне способное изменить его судьбу как руководителя контрразведки, и понимая, что обратного пути не будет. – Иван, закройте все входы в комплекс и

займите круговую оборону! Шалва, ВВУ на всех частотах! Всем кораблям в зоне объекта ZS немедленно забрать высадившихся людей и удалиться от объекта на расстояние не меньше ста километров! Основание – угроза взрыва объекта ZS! Не подчинившиеся императиву будут признаны пособниками неземных террористов! Действующие от лица Будриса или Гицгера, якобы взявших на себя качество ответственности за обеспечение безопасности в зоне расположения объекта ZS, также будут причислены к пособникам!

«Начинаю передачу», – доложил дежурный.

Плетнёв исчез.

Грымов поговорил с кем-то и тоже исчез. Оба были людьми действия и ценили время.

Воеводин подошёл к линии пультов.

Шапиро, нацепив на голову дугу биосъёма, азартно бегал пальцами по трём клавиатурам одновременно, бросая фразы типа: «А я тебе матрицу Майорана...» или «Не пудри мне мозги своим лагранжианом...»

Виомы перед ним извергали струи светящихся цифр, символов и геометрических фигур, а однажды вылез схематический разрез «крокодилочерепахи», и Шапиро с минуту разворачивал его слева направо и сверху вниз, втыкая в ячейки схемы лучик указки, пока не вскричал:

– Ага, попался, который кусался?!

– Что у вас? – осведомился Воеводин.

– Я его захомутал! Через пару минут можем запускать по-

сылку! Сказал же – ничего сложного, обычный фок¹⁵, не кодированный, да к тому же и плохо защищённый.

«Иван, – вызвал заместителя Степан Фомич, – ты где?»

«На периметре, – отозвался Грымов. – Перекрываем подходы к «крокодилу».

«Федералы не лезут?»

«Пока тихо, летающая мелкота убралась из кратера, объявление действует, но остались два корвета – китайский и бразильский – и «Миннесота».

«Огонь не открывать!»

«Да боже упаси, Степан Фомич! Мы не убийцы и не самоубийцы! Будем играть мышцами, но не более того».

«Генерал, с вами хочет поговорить Джон Уик», – сообщил дежурный.

«Кто это?» – хотел спросить Воеводин, потом вспомнил, что так зовут капитана спейсера «Миннесота».

«Включи».

Сквозь шуршание фона в уши пробился жёсткий хрустящий мыслеголос Джона Уика:

«Генерал, у меня приказ взять эту кошмарную громадину на бордаж. Даю вам пять минут на отступление!»

«Капитан, – сказал Воеводин не менее жёстко, – у вас пять минут на то, чтобы убраться от кратера и вообще от планеты! Объект может взорваться в любую секунду! Моя команда пытается сбросить его в космос, подальше от системы

¹⁵ Фок – функционально ориентированный компьютер (*жарг.*).

Кеплера и ни в коем случае не в сторону Солнечной системы, как хотела это сделать банда Вируса, проникшая на полигон под видом бригады техобслуживания метро. Весь персонал исследовательского комплекса, равно как и его охрану, эта банда перебила! Надеюсь, вы в курсе, *что* такое Вирус?»

«У меня приказ Будриса...»

«Это преступный приказ! Его инициировал директор Управления «К» ФСБ Тадеуш Гицгер! Я хочу, чтобы все знали об этом! Уходите, у вас ещё есть шанс совершить доброе дело. В противном случае мы все обречены!»

Джон Уик замолчал. Воеводин не знал его лично, но вполне сочувствовал ему, вынужденному принимать сейчас трудное решение.

«Для отмены приказа необходимо соблюсти квалитет ответственности...»

«Я, генерал Воеводин, начальник спецподразделения Федеральной контрразведки «Сокол», беру на себя ответственность за инициированные мной действия, направленные на спасение миллионов жизней! Меру моей компетентности в понимании ситуации, мои полномочия и допуски пусть определит суд! Если всё пройдёт успешно, я хочу сдаться именно вам, капитан! А теперь дайте мне возможность, – Воеводин резко ослабил ворот «кольчуги», – спасти вас и всех, кто меня слышит!»

Капитан «Миннесоты» снова замолчал и не отвечал около минуты. Возможно, думал о своём положении, сомневался в

искренности слов начальника «Сокола», а может быть, советовался с подчинёнными, не зная, как поступить.

«Генерал, я вам верю. Судя по моей информации, вы награждены тремя Крестами Отваги, а это для меня характеристика. Но приказ есть приказ. Даю вам полчаса на решение всех ваших проблем и добровольную сдачу объекта. После этого буду вынужден начать операцию «перехват».

Воеводин набрал в грудь воздуха, собираясь ответить резкостью, и вдруг понял, что Джон Уик даёт ему достаточно времени для выполнения поставленной задачи. До этого он предлагал пять минут на размышления, теперь же заговорил о тридцати.

– Всеволод!

– Я здесь, генерал?

– За полчаса мы настроим запуск?

– Хватит и четверти часа.

– Начинайте! – Воеводин поднял палец, останавливая Грымова, открывшего рот, чтобы что-то сказать. – «Капитан, условия принимаются. Ровно через полчаса я свяжусь с вами!»

«Надеюсь, вы сделаете правильный выбор?»

«Я тоже надеюсь на это», – усмехнулся в ответ Степан Фомич.

«Генерал, с вами хочет поговорить господин Гицгер», – сообщил дежурный.

«Пошлите его к чёрту!»

«Извините?»

«Передайте ему, что я недоступен».

«Слушаюсь».

– Иван, нам понадобится летатель, способный забрать всю команду.

– Мы держим снаружи десятиместный драккар, – сказал Плетнёв.

– Будьте готовы к броску. И установите на выходе герметичный кессон с внешним управлением, Руслан должен будет попасть внутрь брандера, когда он выйдет у Дыры.

– Слушаюсь.

Бойцы Плетнёва унесли последние тела погибших операторов и захватчиков из зала. Медики закончили возню с реаниматором, киб уволок капсулу с телом оператора.

В зале стало тихо и просторно.

Шапиро закончил работу через семь минут.

– Всё готово, генерал, можем высылать посылку.

– Иван, все на выход!

– Все уже снаружи. Предлагаю сначала запустить один беспилотный флайт, на всякий случай отвлечь наиболее рьяных исполнителей приказа Будриса, а самим тихо уйти по-английски под «зеркало» и – на борт «Миннесоты».

– Действуй. – Воеводин помог Шапиро выбраться из-за пульта. – Один вопрос, Всеволод: вы уверены, что БОХ заткнёт Дыру, откуда к нам лезут крысы – Знающие?

– Не уверен, – честно признался физик. – Объём Бомбы

слишком мал, чтобы заткнуть всю Дыру, диаметр которой достигает десяти эсве. Но при столкновении ударных волн – порождённой Бомбой и испускаемой Дырой – наверняка начнётся такая интерференция измерений, такое волнение вакуума, что Знающим будет не до реализации своих планов.

– Этого я и боялся, – покачал головой Степан Фомич. – Неужели все наши потери и жертвы были на-прасны?

– Не рвите себе сердце, генерал, – ухмыльнулся неунывающий Шапиро, – мы что-нибудь да придумаем.

Через две минуты они присоединились к бойцам Плетнёва, занявшим места в кабине драккара. Пришлось потесниться, на десять мест претендовали одиннадцать человек.

– Флайт пошёл, – доложил Грымов о запуске отвлекающего аппарата.

– Вперёд!

Драккар облетел тушу «крокодилочерепахи», прижимаясь к нему чуть ли не вплотную, не поднимаясь высоко в воздух, лавируя между шипастыми лопастями антенн слим-модулятора, молнией метнулся к ближайшим скалам вала кратера.

– Всеволод?

– Всё нормально, генерал, связь устойчивая.

– Запускай!

– Ловите посылку, парни, – пробормотал Грымов, имея в виду экипаж «Ра».

Драккар завис над валом на несколько секунд.

Туша «крокодилочерепахи» задымилась, покрылась сло-
ем неярких молний и исчезла! Вместе с антеннами «сусли-
ка» и частью дна кратера.

«Дай им бог удачи!» – взмолился в душе Воеводин.

Глава 6

Поиски стрелочника

Комитет Федерального Земного Собрания по безопасности и сотрудничеству занимал два верхних этажа башни Федерации, располагавшейся на юге Таиланда, на берегу Сиамского залива Южно-Китайского моря. Приёмная председателя Комбеза и его заместителей, конусовидно-круглая, с прозрачным кругом потолка, потому что главный офис организации венчал башню, в это утро семнадцатого августа напоминала муравейник. Поднятые по тревоге члены Комбеза, редко появляющиеся в главном офисе в качестве живых гостей (системы связи позволяли посылать для встреч голографические копии функционеров), толпились в приёмной и ждали появления председателя, роль которого исполнял бывший глава Южно-Азиатского сектора Лю Чжи Мао.

Всего в Комитете насчитывалось тридцать два руководителя высокого ранга: премьеры и президенты большинства независимых государств, а также руководители Комитетов безопасности, главы четырёх основных религиозных епархий, главы мировых транснациональных корпораций и так называемые эксперты по безопасности и борьбе с мировым терроризмом – бывшие руководители военных министерств и спецслужб.

Кроме того, членами Комбеза являлись главы Федераль-

ных исполкомов – Службы безопасности, Погранслужбы и председатель Союза Объединённых Наций, хотя не он руководил организацией, созданной почти сто пятьдесят лет назад вместо соответствующей структуры ООН. Да и сама ООН распалась на отдельные политические кластеры после войны Китая и США, когда в конце двадцать первого века взамен рухнувшего «мирового лидера» – США появилась новая фигура – Восточно-Азиатский Конгресс, в который вошла Россия.

Само собой получилось, что Комбез стал выполнять роль регулятора действий всемирного сообщества по обеспечению безопасности всего человечества, что пытался делать и Совет безопасности при ООН. Разве что возможностей для этого он имел больше, применяя новейшие технологии для пресечения преступной деятельности тех или иных криминальных группировок. Правда, с мировым терроризмом он так и не сумел справиться до конца, и локальные войны то и дело вспыхивали в том или ином районе земного шара.

Ани Санта вошла в приёмную Комбеза одной из последних приглашённых, нашла Ярославу, они поздоровались, и витс-секретарь пригласил всех в кабинет председателя.

Кабинет был огромен, хотя это впечатление оказалось обманчивым: в кабинете работал видеопласт, создающий иллюзию горного пейзажа. Сквозь панорамные окна были видны заснеженные склоны гор, крутые чёрно-красные либо фиолетовые пики и небо с зеленоватым оттенком. На заднем

плане, за горной цепью, всплывал в небо красный, усыпанный чёрно-фиолетовыми пятнами и «хвощами» протуберанцев, купол близкой звезды.

«Кеплер!» – с содроганием сердца предположила Ярослава, подумав о недавнем инциденте с запуском брандера с Бомбой Хаоса на борту.

Но это была другая планета, одна из двух десятков планет системы Южного Креста, где экспедиция Даль-разведки недавно обнаружила кислородную планету, близкую по параметрам Земле.

В одной из скал на краю кабинета бесшумно протаял светлый прямоугольник, сверкнул позолотой аксельбантов и позументов чёрно-белый мундир.

Вошёл владелец апартаментов Лю Чжи Мао, маленького роста, желтолицый, узкоглазый, как и все китайцы, редкозубый, сморщенный. Повёл рукой:

– Садитесь, господа.

Горный инопланетный пейзаж исчез, вместо него разгорелись медовым, с искрой, свечением гнутые стены кабинета. Над кольцевым столом в центре, на котором были расставлены вириалы компьютеров и наборы напитков, потолок налился солнечной синевой.

Гости прошелестели официал-мундирами с разным количеством наград и женскими нарядами (из тридцати двух членов Комбеза шесть были женщины), разошлись по чёрно-белым квадратам пола, расселись в давно заведенном порядке.

Место слева от председателя занял президент Тайской Агломерации Сиганорадж Прамбедхам, кресло слева – президент Франко-Германского Халифата Абдель Бен Аббас ибн Ибрагим ал Меркель.

Россию представлял в Комбезе директор Российской Федеральной Службы безопасности Алексей Медведь. Ярослава хорошо знала этого человека, внёсшего немалый вклад в победу контрразведки над агентурой Вируса, и он нравился ей своей сдержанностью и непробиваемым спокойствием.

С Ани Сантой, занимавшей пост секретаря Комбеза третий год, в прошлом – президентом Бразилии, она сидела практически рядом, через одного человека, и могла с ней переглядываться. Обе, успев бросить друг другу лишь по паре слов, сразу включили «эолы» и принялись разглядывать членов Комитета и вслушиваться в их разговоры. Оценивать речи собеседников помогали им терафимы. Личный инк-секретарь Яры Волх (она сменила уже третьего терафима и предпочитала давать им мужские имена) начал было перечислять подозрительных на его взгляд лиц, но Ярослава оборвала его, мысленно приказав работать в паре с «эолом», представлявшим такой же чип, вживлённый под кожу на виске. В отличие от Волха, «эол» не обладал личностным эмоциональным контуром и советы не давал, отзываясь на прямые вызовы хозяйки.

И ещё один вживлённый гаджет имела Ярослава – «вшинник», контур пси-защиты от дистанционного либо нанокон-

бинационного пси-программирования, отчего Руслан как-то пошутил при встрече, что они тоже близки по параметрам к настоящим киборгам, таким, каким был первый Неуязвимый.

– Ани, наша дорогая фея, – обратился к секретарю Лю Чжи Мао, – огласите, пожалуйста, сегодняшний манифест совещания.

Фигура Ани Санты проявилась в центре кольца, как бы обращённая – благодаря ухищрению видеоаппаратуры кабинета – к каждому члену Комитета.

– Господа, нас объединила одна проблема, которую всё человечество пытается решить уже почти полгода: вторжение инопланетных террористов, получивших собирательное название Знающие-Дорогу-Не-Терпящие-Возражений. Федеральная Служба безопасности называет эту силу проще – Вирусом Инферно. Несколько часов назад отряд наёмников Вируса под видом бригады технического обслуживания станций метро системы Кеплера, состоящей из двух звёзд и трёх планет, уничтожил охрану полигона для опасных исследований на первом Кеплере и попытался захватить объект ZS, который, согласно утверждениям экспертов, является транспортником Вируса, имеющим на борту взрывное устройство огромной разрушительной силы – Бомбу Хаоса.

По сидящим членам Комбеца прошло движение. Конечно, все они знали о случившемся, имея свои каналы получения информации, но слова Ани подействовали на всех без

исключения.

Секретарь посмотрела на сидевшего справа от председателя, рядом с президентом ФГ-Халифата, президента межгосударственной «Федеральной корпорации мгновенного транспорта» (ФКМТ) Тайжаба Эрдоганоглу.

– Господин Эрдоганоглу, вы можете пролить свет на это событие?

Турок – молодой, смуглолицый, с выдающимся кривым носом и близко посаженными, горящими, чёрными глазами, с модной причёской «талибан», имитирующей чалму, широкоплечий, уверенный в себе – привстал, глядя на Лю Чжи Мао, но его опередил директор Федеральной Службы безопасности Гунар Будрис, блондин с розоватыми глазами без ресниц, на лице которого никогда ничего нельзя было прочитать, кроме безмерной флегмы.

– Разрешите, господин председатель? Я отвечу.

– Говорите, – благосклонно кивнул Лю Чжи Мао.

– С атакой так называемых инопланетных террористов, уважаемая Ани, – начал Будрис, – ещё надо разбираться. Во-первых, об этом стало известно от сотрудников спецподразделения «Сокол», самовольство и агрессивность которых широко известны. Руководитель «Сокола» генерал Воеводин не раз игнорировал решения вышестоящих инстанций и фигур: я имею в виду главу Федеральной контрразведки Тадеуша Гицгера и моего предшественника Вондлярского. Не известил он о действиях своего спецназа и меня, а также

командора Погранслужбы, насколько мне известно. Не так ли, госпожа Тихонова?

– Говорите за себя, – сухо ответила Ярослава. – Я была в курсе событий и поддержала инициативу генерала.

– Мы знаем меру вашего участия в противостоянии с Вирусом, – мрачно сверкнул глазами Абдель Бен Аббас ибн Ибрагим ал Меркель. – Вы ему потакали!

– И ещё надо доказать, – заговорил президент США Даймон Сорос-младший, тучный здоровяк с мясистым красноватым лицом ковбоя, – что генерал Воеводин действовал во славу закона, спасая человечество, а не в силу личных амбиций. Я предлагаю выразить ему вотум недоверия и отстранить от исполнения обязанностей начальника особого отдела контрразведки. Да и вообще сократить это особое подразделение, дублирующее деятельность Управления «К» и другие силовые структуры.

– Для этого должны быть особые основания, господин Сорос! – ледяным тоном проговорила Ярослава. – У вас они имеются?

– Найдём, госпожа командор, – усмехнулся президент Соединённых Штатов.

– Господа, прошу соблюдать порядок, – провозгласила Ани, с укором глянув на Ярославу. – Мы далеко зайдём, обвиняя друг друга в связях с Вирусом. Ситуация очень тревожная, проанализируйте факты, имеющиеся в вашем распоряжении, и объявите свою позицию с соблюдением норм

регламента.

– Согласен, – проговорил Лю Чжи Мао, рассыпав по лицу лучики морщин, что, очевидно, означало улыбку.

– Я не закончил, господин председатель, – меланхолично сказал Будрис.

– Продолжайте, господин ИО директора, – подчеркнула Ани аббревиатуру ИО.

– Инопланетный корабль с так называемой Бомбой Хаоса исчез, – не обратил внимания на тон секретаря Будрис. – И никто не знает, куда он направлен.

– К аттрактору под названием Большая Дыра на границе созвездий Кентавра и Парусов, – не выдержала Ярослава. – Вы это прекрасно знаете, господин ИО директора.

И снова Будрис не отреагировал на реплику, словно не расслышал говорившую. Пробить его невозмутимость можно было разве что из гранатомёта.

– Так как причина нашего совещания связана с чрезвычайными обстоятельствами, я пригласил на него начальника Федеральной контрразведки господина Гицгера. Он доложит подробности инцидента на Кеплере и даст предложения, как преодолеть возникшие трудности.

– Но господин Гицгер не принимал участия в событиях на Кеплере, – снова вмешалась Ярослава. – Не лучше ли выслушать господина Воеводина, руководившего отрядом обороны полигона непосредственно на месте событий? И почему нам всё-таки не выслушать объяснения господина Эрдогано-

глу, под видом сотрудников которого на полигон проникли террористы?

Президент ФКМТ с готовностью приподнялся, глядя на Лю Чжи Мао, но председатель жестом усадил его обратно, посмотрел на Ярославу с кротостью терпеливого укротителя змей.

– Госпожа командор, давайте выслушаем господина Гицгера. Может быть, отпадёт необходимость выслушивать мнение и господина Эрдоганоглу, и господина Воеводина.

Ярослава поймала предупреждающий взгляд Ани, сдержала желание возразить. Настрой председателя был уже понятен, и поддерживать его намеревалось явное большинство делегатов Комитета.

Вошёл Гицгер, одетый в официальный чёрно-белый уник чиновника высшего уровня, украшенный наградами и золотыми позументами не беднее костюма Лю Чжи Мао.

Они были весьма похожи друг на друга – китаец и поляк, особенно малым ростом и морщинистыми лицами, и Ярослава невольно подумала, что это сходство, возможно, подчёркивает сущности каждого функционера, их желание командовать и одновременно служить тем, кто сильнее. Глава Федеральной контрразведки важно поклонился собранию, встал на возвышение с пюпитром – данью древних традиций подчёркивать значимость выступающего; с докладами давно никто не выступал, совещатели получали информацию в электронном виде и знали, о чём пойдёт речь, заранее. Вы-

ступали же лишь те депутаты, кто хотел добавить что-то к речи докладчика или возразить ему.

Фигура Гицгера проявилась в центре стола, и надобность поворачиваться к нему лицом отпала.

– Господа! – заговорил он с пафосом, высоким ломким голосом. – Никогда прежде мы не были так близки к потере места обитания всей человеческой цивилизации! Почти два месяца назад мы пережили тяжелейшую схватку с инопланетным агрессором, с Вирусом, уничтожившим цивилизацию существ под названием «пылевики» в созвездии Индейца, в трёх миллиардах световых лет от Солнечной системы! Мы победили, но большой ценой! Благодаря усилиям множества структур безопасности, потерявших своих лучших бойцов, и ценой тысяч обыкновенных людей, попавших под удар!

«Чего не было! – проворчал терафим Ярослав. – Потери гражданского населения безусловно были, но незначительные».

– Итак, что мы имеем на сегодняшний час, – продолжал Гицгер, грассируя больше обычного, что можно было бы объяснить его волнением, если бы не истинная подоплёка его горячности: начальник Федеральной контрразведки был зомбирован! Ярослава вдруг поняла это, не спрашивая мнения «эола», – в результате непрофессиональных действий подразделения «Сокол»? Космический корабль Вируса исчез в неизвестном направлении! Вполне возможно, в ско-

ром времени он будет обнаружен в Солнечной системе. Второе: величайшее творение цивилизации – Суперструнник – повреждено! Третье: в шаровом звёздном скоплении Омега Кентавра взорвалась звезда (сто десять! – поправил Гицгера терафим), вследствие чего началась цепная реакция разрушения скопления! Ударная волна этого процесса в скором времени доберётся и до нас! Четвёртое: все свидетели нападения банд Вируса мертвы! Нам не удалось найти ни одного очевидца, кто вообще мог бы подтвердить факт деятельности агентов Вируса, якобы закодированных самим Вирусом! Может быть, этого Вируса и нет вообще?

Присутствующие зашумели, начали переговариваться.

«Он противоречит сам себе», – снова заметил Волх.

– Может, под Вирусом следует понимать другую силу, – продолжал Гицгер, голос его зазвенел, – и генерал Воеводин служит именно ей?

Взрыв голосов, язвительные замечания, шутки, смех, аплодисменты.

Ярослава встретила озабоченный и недоумевающий взгляд Ани, ответила ей не менее выразительным взглядом.

– Ну, это вы уже перегнули палку, Тадеуш, – проворчал глава египетского Управления национальной безопасности Тан-Ка-Птах. – На что вы намекаете?

– Я не намекаю, я предлагаю провести расследование, во имя чего создавался миф о Вирусе и кому на самом деле спешествует господин Воеводин. Может, он больше печёт-

ся о личной выгоде, нежели о безопасности Земной Федерации?

– Он служит России! – негодуяще выкрикнул кто-то.

– Вот именно. Для начала я предлагаю отстранить его от руководства подразделением «Сокол» до выяснения всех обстоятельств дела и передать «Сокол» непосредственно директору Федеральной Службы безопасности господину Будрису.

«Сволочь!» – прокомментировал слова Гицгера Волх.

На сей раз Ярослава была с терафимом абсолютно согласна.

– Далее о других проблемах. – Гицгер картинно опорожнил наполовину стакан минералки, возникший на пюпитре как по мановению волшебной палочки. – В первую очередь о проблеме поиска помощников в войне с Вирусом. Если, конечно, будет доказано, что он и в самом деле существует. Лично у меня другое мнение. Мы знаем, что в ядре нашей галактики Млечный Путь существуют цивилизации, пока не желающие с нами контактировать. Но взрыв Омеги Кентавра грозит и их существованию! Почему бы не послать в ядро экспедицию Комкона и не договориться с иноразумом о совместном противостоянии террористическому вторжению? Если, опять же, нам удастся подтвердить существование Вируса.

«А вот в этом он прав», – с удивлением подумала Ярослава, – соратники нам нужны. Неужели он знает о суще-

ствовании МККЗ? Или всё высказано ради красного словца? С иными целями? Если Гицгер – активированный слиппер Знающих, зачем ему поход в ядро? Если – агент МККЗ, тем более зачем ему раскрываться? А если он таки не зомбер, зачем так рьяно пытается устранить Воеводина? Хочет убрать конкурента?

– И последнее, – выдержал эффектную паузу, переждав шум, начальник Федеральной контрразведки. – Предлагаю объявить по всей Солнечной системе чрезвычайное положение в связи с предполагаемой угрозой разрушительной ударной волны и активировать сектор гражданской обороны СОН.

В кабинете Лю Чжи Мао наступила гробовая тишина.

Гицгер допил воду, посмотрел на Ярославу – поверх всех голов, с пюпитра, как будто прицеливался, и сошёл с возвышения.

– Я могу сесть, господин председатель?

– Подождите в приёмной, – опомнился Лю Чжи Мао, не меньше других шокированный заявлением докладчика.

Гицгер вышел.

– Предлагаю обсудить поступившие предложения.

Вскочил Даймон Сорос-младший.

– Абсолютно согласен с Гицгером! Русские распоясались! Единственное, с чем я бы не торопился, – это с объявлением чрезвычайного положения. Экономика Федерации находится в очередном кризисе, и мы не сможем полноценно участ-

воват в во всех мероприятиях, а тем более расконсервировать федеральную гражданскую оборону.

Встал Абд эль Бай, султан Катарского Эмирата, горячо поддержал Сороса.

Вслед за ним начали высказываться и остальные члены Комитета, в соответствии со своим положением, пониманием ситуации и амбициями. Причём чем меньшее государство представлял тот или иной депутат, тем больше амбиций предъявлял и больше претензий к силовым структурам Федерации высказывал.

К примеру, Юозас Пензис Мария Придурковите, президент Литвы (он был трикстером и не скрывал этого), вообще предложил вывести Россию из состава СОН и Комбеза, а её представителей пересажать «за агрессивные действия по отношению к великим прибалтийским странам в двадцатом и двадцать первом веках».

Ярослава в дебатах не участвовала, вслушиваясь в скороговорку Волха, который с помощью «эола» оценивал поведение присутствующих.

Совещание продлилось больше двух часов, что не показалось чрезмерной тратой времени, учитывая бурную дискуссию. Другие заседания Комбеза, пусть и в режиме фриланса, иногда тянулись сутки и больше: облечённые властью делегаты любили поговорить ни о чём либо доказывать с пеной у рта вину других членов Комбеза, препятствующих «демократическому процессу движения секс-меньшинств».

Решение чрезвычайного органа Федерации, отвечающего за её безопасность, огласил Лю Чжи Мао.

Первый пункт общего пакета инструкций для деятельности СОН касался объявления тревоги ЧП по Солнечной системе с усилением режимов всех спецслужб – ФСБ, Федеральной Погранслужбы, контрразведки, МЧС, государственных структур – до императива ВВУ – «отражение внезапно возникшей угрозы», но без привлечения сил гражданской обороны.

Вторым пунктом Комбез большинством всего в два голоса принял скандальное постановление о проведении расследования деятельности «Сокола», с отстранением генерала Воеводина от руководства подразделением и заключением его под домашний арест. На время расследования.

Ярослава голосовала против этого постановления, но оно всё-таки было принято.

Кроме того, Комбез объявил первое предупреждение Тайжабу Эрдоганоглу о возможном несоответствии служебному положению. Ему так и не дали слова, хотя он порывался выступить, но Будрис заявил, что берёт расследование участия ФКМТ в инциденте на Кеплере под личный контроль, и реакция президента Корпорации метро на обвинения в его адрес осталась невыясненной.

Соответствующим органам СОН предписывалось организовать экспедицию к ядру Галактики для установления контакта с тамошними цивилизациями.

Федералам Службы безопасности Солнечной системы срочно предлагали свернуть «несанкционированную» деятельность отдельных спецслужб по выявлению агентов Вируса, а Федеральной контрразведке следовало точно определить, существует ли такой агрессор вообще, и если не существует, то кто действует под этой вывеской.

Второй секретарь Комбеза Ян Валетов заикнулся было о посыле экспедиции в Омегу Кентавра, чтобы оценить опасность, угрожающую Солнечной системе, но его предложение не прошло. По утверждению Лю Чжи Мао, у СОН не хватало средств для организации второй масштабной экспедиции за пределы Системы. Предлагалось сосредоточиться на внутренних проблемах Федерации и на организации защиты цивилизации от посягательств извне.

Координатором действий всех спецслужб назначили Гунара Будриса, изменив его статус с исполняющего обязанности директора ФСБ на директора.

Не прошло и предложение президента Османского Каганата турка Давида Маматоглу об освобождении от должности командора ФП Ярославы Тихоновой. За неё почему-то вступился Гицгер, и Ярослава подумала, что это делается неспроста: выходило, что Гицгер, умело скрывавший до сих пор свою связь с эмиссаром Вируса, *знало* роли Ярославы в инцидентах с Суперструнником и предполагал в дальнейшем использовать её в качестве агента Знающих.

Этой мыслью она и поделилась с Ани Сантой, когда сове-

щение Комбеза закончилось и его функционеры разошлись по коридорам башни Федерации по своим делам.

Встретились в рабочем модуле Ани, совсем крохотном, в отличие от кабинета председателя, в котором умещались лишь необходимые аксессуары и минимум мебели: стол, над которым мигала свеча вириала инка, кресло, диванчик и тумба вариалифта, способного за считанные секунды доставить хозяйку в любую точку здания, в том числе – в ангар метро.

– Я тоже подумала об этом, – призналась Ани, пригласив гостью сесть на диванчик. – Вы русская, и эта свора националистов не преминула бы скинуть вас с поста командора, если бы не делала ставку на прежние «заслуги». Похоже, Вирус по-прежнему считает вас своим агентом.

– Не думаю, – качнула головой Ярослава, кинув взгляд на прозрачный потолок модуля, сквозь который была видна усеянная кратерами громада Луны; это, конечно, была иллюзия, созданная видеопластом. – Если бы Знающие считали меня своим агентом, они не брали бы меня в заложники на втором Кеплере.

– Решили проверить, как вы будете себя вести.

– Нет, тут что-то другое.

– Ладно, проанализируем полученные сведения и подумаем, что делать дальше. Сок, хилабар, мокочинче, кофе?

– Эйфорики не употребляю, кофе, если можно.

– Сим, два кенийца, – проговорила Ани в свечу вириала.

Через минуту выпуклый круглый короб лифта испарился, появился киб-служитель в форме юной смуглолицей бразильянки в передничке и национальном костюме, несший поднос с кофейным прибором.

– Добрый день. Приятного вкуса.

Девушка исчезла, и Ани, перехватив взгляд Ярославы, виновато рассмеялась.

– Традиция, понимаете ли. Как там говорят русские? Каждый сходит с ума по-своему?

Рассмеялась и Ярослава.

– У нас много красивых и метких пословиц. Применительно к ситуации в Комбезе я бы вспомнила такую: все под одним богом ходим, да не в одного веруем.

Ани сделала глоток, почмокала язычком.

– Вкусно... это я о пословице. Но к делу, дорогая командор. Ваши выводы относительно агентуры?

– Гицгер, – уверенно сказала Ярослава, успев выслушать рассуждения терафима и «эола»: оба однозначно сделали одинаковый вывод. – Плюс Будрис.

– Согласна. Эрдоганоглу?

– Не уверена, мало данных, ему так и не дали слова.

– Лю Чжи?

– Председатель? Скорее нет, чем да. С ним встречался Руслан в самый разгар событий на Суперструннике, и Лю показался ему подозрительным, но опять же для точного вывода не хватает информации.

– Давид Маматоглу?

– Возможно.

– Абд эль Бай?

– Обыкновенная «шестёрка» на побегушках у Сороса.

– Юозас Пензис Придурковите?

– Просто напыщенный дурак! Фамилия точно характеризует его умственные способности.

Ани снова рассмеялась, показав жемчужные зубки.

– Почти всё сходится с моими умозаключениями. Почему Гицгер и Будрис возбудились именно сейчас? Если бы они были спящими сексотами Знающих...

– Не были, – возразила Ярослава. – Мне кажется, их зомбировали давно, а вскрыли только сейчас из-за нехватки кадров. Мы успели сильно проредить эту сволочную структуру.

– Но кто их зомбирует? Ведь кто-то же имеет доступ к таким функционерам, причём постоянный?

– Главный эмиссар.

– Лю Чжи Мао?

– Не знаю, это было бы слишком просто.

– Тогда кто? Ни Будрис, ни Гицгер не годятся для этой роли. Что за неуловимый ковбой Джо с программатором вместо револьвера крутится в самых верхних эшелонах властных структур?

– И не Эрдоганоглу. Он вхож не ко всем.

– Да, не Тайжаб. Человек-невидимка.

– Скорее не человек, а невидим он нам по той причине, что мы автоматически выпускаем его из виду как деталь обстановки.

– Очень может быть, надо поразмыслить над этим вариантом. В одном старинном детективном романе преступником был почтальон, но вычислили его далеко не сразу, потому что он примелькался настолько, что следователи не брали его в расчёт именно как деталь обстановки. Может, и в Комбезе или администрации СОН сидит такой почтальон?

Ани допила кофе.

– В таком зигзаге мои мысли не виляли, как говорит мой витс-телохранитель. Кстати, у вас есть телохран?

– Есть, витс Заверин, дубль Веласкеса, сам Серджо улетел с Русланом. – Ярослава погрузнела. – Всё время думаю о нём. Самое трудное ещё впереди. Поймали они посылку, не поймали... нет ответа.

– Всё будет хорошо, доке менина, ваш Руслан – фартовый парень, герой, завидую. Ну что, звоним генералу?

– Звоните.

Ани мысленно заговорила с вириалом, включила консорт-систему, и перед ней соткалась у стола из световых лучей фигура Воеводина.

– Генерал, добрый день.

Воеводин поправил ворот синей рубашки, посмотрелся в абонента, наметил улыбку.

– Добрый день, синьорита. Или у вас вечер?

– Ближе к вечеру, генерал. Только что закончилось совещание Комбеза, решено устранить вас от руководства «Соколом» и поместить под домашний арест.

– Я знаю.

Ани подняла брови в некотором замешательстве.

– И вы... так спокойны?

Воеводин улыбнулся шире.

– Зло принимаешь как должное в наши времена, это от добра ждёшь каверзы. Я уже отдал необходимые распоряжения. Видимая официальная часть «Сокола» переходит в распоряжение Гицгера, с базами на Нереиде и Меркурии, наше глубинное ядро...

– «Три икса»...

– Переходит в режим подполья, – не отреагировал на замечание Воеводин. – База на Энцеладе, с которой стартовал «Ра», и на Умбриэле остаются нашими. Кроме того, расконсервируем базу на Хароне.

– Но вам грозит опасность!

– Не волнуйтесь, синьорита, меня хорошо охраняют. Ваши выводы относительно высших функционеров Комбеза?

Ярослава поднялась с дивана, подошла к Ани, встала за её спиной.

– Степан Фомич, добрый день.

– Яра, – кивнул Воеводин, – я догадывался, что ты рядом.

– У нас чётко сформировалась точка зрения на две фигуры: Гицгера и Будриса.

– Всё-таки Гицгер?

– «Эолы» указывают на него совершенно определённо. Однако, по нашему мнению, не он главный эмиссар Знающих. Будем искать дальше.

– Не он. – Воеводин покивал каким-то своим мыслям. – Что ж, работайте, сударыни, найти его надо во что бы то ни стало. До встречи.

Фигура генерала растаяла.

– Будем работать, – пообещала Ани Санта, ни к кому особенно не обращаясь.

Глава 7

Прыжок в дыру

Это было красочное зрелище!

По всей сфере обзора, охватывающей ажурную сеть Парусов, метались причудливые сполохи «северного сияния» – эффект взаимодействия вакуумов разного космоса, родного, породившего человечество, и чужого, «вирусного», истекающего из Большой Дыры, а вокруг драккара с экипажем из четырёх человек и бликующей друзы слим-модулятора то и дело вспыхивали яркие молнии и взрывались – жаль, что бесшумно! – клубки ярчайшего радужного пламени: «Ра» отбивал наскоки вражеской эскадры, уничтожая одну за другой «крокодилочерепах», явно уступающих ему по маневренности, скорости и вооружению.

Но их было много, и уже дважды катер задевало гравитационной волной пролетающих мимо в тысячах километров кораблей, которых пока успешно поражали выстрелы земного спейсера, возникавшего как бы со всех сторон одновременно.

За время сброса «суслика» за борт «Ра» уничтожил не менее двух сотен «крокодилов», по подсчётам Руслана, однако силы вражеского флота не иссякали, и бой продолжался, порождая необычные световые эффекты по всей сфере обзора.

Противник, обладающий воображением и эмоциональными

ми переживаниями, подобными человеческим, давно бежал бы на край света, лишь бы не видеть, как гибнут соратники. Но Знающие-Дорогу не были людьми и не знали, что такое страх. Либо надеялись на своё численное превосходство. И кидались в бой очертя голову, если здесь был применен земной термин, пока ещё не атакуя две ничтожные по размерам и массе скорлупки, поскольку не понимали их предназначения.

Руслан ждал нападения, приготовив штатные средства защиты катера – гравиразрядник и лазер, считал секунды и был почти спокоен. Всё, что от него зависело, он сделал, а как говорил бывший начальник отдела ФАК Люсьен Леблан: если проблема разрешима – к чему беспокоиться? Если неразрешима – какой смысл волноваться? Делай своё дело, остальное доделают товарищи.

Но волновался, конечно, хотя и не показывал виду. Даже поддерживал спутников, шутливо комментируя удачные выходы «одинокого воина на поле боя», самого искусного бойца земного флота – «Ра».

«Суслик» сработал неожиданно, спустя почти полтора часа после выхода в космос.

Перед носом драккара внезапно вырос бликующий «стеклянный» пузырь размером с гору, испустил миллион световых лучиков-колючек, лопнул, и на его месте протаяла гигантская туша «крокодилочерепахи», покрытая сеточкой голубых молний.

– Есть! – не сдержал ликующего вопля Руслан. – Капитан, посылка пришла!

– Слышу, – спокойно, будто он и не управлял боем, отозвался Маккена. – Идём к вам.

– На abordаж! – отдал команду Руслан, хотя инк драккара уже начал маневр, не дожидаясь реакции пассажиров, и аппарат устремился к туше чужого корабля, с одной стороны обросшего корявым слоем странного «мха».

– Я готов, – доложил Веласкес, управлявший инструментарием катера; чтобы не мучиться со стыковкой, предполагалось использовать силовой «сачок» и даже метатель троса с обычным клювом и «гекконом» для надёжного сцепления с поверхностью объекта.

– Будем садиться куда придётся? – с сомнением сказала Марианна.

– Они должны были предусмотреть... – Руслан не закончил.

На теле «крокодилочерепахи» вспыхнула и начала пульсировать красная звёздочка – световой бакен. В наушниках костюмных раций прорезался картонный голосок:

– Команде «А» – вход в объект ZS! «Мох» не трогать – опасен! Команде «А» – вход...

Руслан сосредоточился на маневре, и драккар, выписав пируэт, воткнулся носом в иссечённую трещинами, действительно напоминающую крокодилию кожу, полосу корпуса брандера, в сотне метров от бакена, указывающего проход в

недра чужого корабля.

Дальнейшие действия предусматривали установку на корпусе брандера аннигилятора и быстрый старт обратно, чтобы «Ра» смог забрать катер с экипажем до того момента, как включится аннигиляционный процесс, создающий тягу, и брандер начнёт падать в Большую Дыру.

Однако сторожа Дыры почуяли опасность и начали слетаться к своему собрату, словно собираясь протаранить его на всём ходу.

«Ра», на мгновение раньше выскочивший из «струны» в сотне километров от брандера, в течение нескольких секунд поразил целую стаю «крокодилочерепах», превзойдя собственный рекорд сверхскоростного маневрирования, затеял виртуозную пространственную карусель с каскадами атак по всем направлениям, и Веласкес смог наконец «принайттовить» катер к одной из пластин «шкуры крокодила».

– Выгружаемся!

Грузовой люк драккара открылся, выпуская воздух.

По мысленной команде Руслана инк отстрелил крепления аннигилятора, и Веласкес первым, демонстрируя нечеловеческую скорость и реакцию (впрочем, он и не был человеком из плоти и крови), с нечеловеческой опять же ловкостью подтолкнул (в невесомости) двухметровую «шишку» к люку.

Подлетевшие к нему Марианна и Шеридан помогли витсу развернуть аннигилятор рылом излучателя к корпусу брандера, набросившись на него как пчёлы на цветок.

– Мы не справляемся! – прилетел в наушники голос Маккены. – Пара-тройка зверюг прорвалась! Уходите!

Руслан, оставшийся в кабине как гарант необходимой страховки драйва на случай внезапного изменения обстановки, кинул взгляд на чёрную бездну за кормой катера, усеянную огнями.

Были видны сполохи «северного сияния» и толчея вспыхивающих и гаснущих «зарниц» – там, где метался в тисках вражеской эскадры земной крейсер. И три катившихся к брандеру световых хвоста, напоминающие кометные следы в земном небе. Три «крокодила»! И уйти от них драккар, не обладавший генератором «струнного» хода, не мог.

– Бегите к бакену! – крикнул Руслан. – Я их отвлеку!

– Мы всё равно погибнем, – меланхолично проговорил Шеридан. – Они подлетят ближе и выстрелят.

– Стрелять по своему брандеру они не осмелятся! Он может взорваться! Бегите внутрь!

– Не сходи с ума, командир, – бросил Веласкес. – Ваше геройство никого не спасёт! Включите здравый смысл!

– Здравый смысл помогает продлить жизнь, но мешает ощутить её вкус, – пошутил Руслан, ощущая спиной смертельное дыхание врага.

– Командир! – в один голос вскричали спутники.

Руслан взвешивал их порыв ровно две секунды.

– Иду к вам!

Ещё две секунды ушло на объяснение киб-пилоту дракка-

ра сути маневра.

После этого Руслан выбрался из катера и присоединился к подчинённым, цеплявшимся за решётки и обручи аннигилятора.

Драккар начал отдаляться, перемигиваясь отблесками далёких и близких зарниц.

– За мной! – скомандовал Руслан, устремляясь прочь от аннигилятора, вдоль ребёр и пластин «крокодильей кожи» к мигающей звезде бакена.

– Он активирован, – предупредила Марианна. – Отключить программу?

– Отключить – значит сорвать задание! Пусть работает.

Вереница блестящих фигур понеслась вдоль корпуса брандера чередой воздушных пузырьков в толще воды, преодолев сто метров за несколько секунд.

Драккар в это время начал ускоряться и помчался куда-то «вверх», за горб «крокодилочерепахи», отвлекая внимание приближавшихся охотников. Это дало время отряду достичь цели, открыть мембрану люка в метре от бакена и нырнуть в тёмный зев тоннеля, через который недавно бойцы Плетнёва и Воеводин с Грымовым попали внутрь гигантского транспортного. Впрочем, подчинённые Руслана этого не знали, просто воспользовались возможностью остаться живыми на какое-то время.

– Понял, – отозвался Маккена в ответ на донесение Руслана. – Добью стаю и заберу вас.

– Будьте осторожнее, сейчас включится аннигилятор.

Маккена замолчал. Потом на волне общей связи с недоверием заговорил Вильгельм Иванов:

– Вы не отрубили пуск?!

– Задание должно быть выполнено! – заявил Руслан почти по-маккеновски твёрдо. – Иначе зачем мы сюда летели?

Тихую перепалку космолётчиков оборвал голос капитана:

– Прячьтесь внутри этой туши, мы придумаем что-нибудь.

– Вперёд! – коротко скомандовал Руслан, кинув последний взгляд на полыхающий снаружи космос.

Он ещё успел заметить, как справа – по отношению к телу – бесшумно вырос фонтан ослепительного огня: это заработал аннигилятор, «впрыскивая» в корпус брандера порцию антипротонов, затем антиграв скафандра толкнул тело в глубь коридора, и огненная струя стала невидна.

* * *

В рубке спейсера царил тишина.

Экипажу не нужно было отдавать голосовые команды системам управления корабля, а переговариваться было некогда. Обмениваться репликами не позволял себе никто, даже шутник Слава Терёшин, не принимавший прямого участия в пилотировании, однако включённый в контур управления как страхующий первого пилота – Артура элемент контроля.

В принципе, весь экипаж, включая Розу Линдсей, работал сейчас в режиме «один-на-один», объединившись с инком корабля в единый «боевой супермозг», что позволяло спейсеру маневрировать «без оглядки» на человеческие эмоции и принимать верные решения в течение миллионных долей секунды. Именно поэтому он и мог вести бой со стаей «крокодилочерепах», каждое мгновение поражая одновременно до десяти целей.

Поскольку чужие корабли были хорошо защищены, выдерживая попадания лазеров, плазменных пушек и гравиразрядников, уничтожали их из «нульхлопов», генераторов свёртки пространства в «суперструны». Поэтому каждый залп «Ра» из батареи «нульхлопов» практически очищал космос от «мусора» – чужих космолётов, способных двигаться быстро, мгновенно меняя траекторию движения под любым углом, но не способных выдержать сворачивания пространственных измерений.

Наполняли космос потоками огня, дыма и пыли именно они – чудовищные машины для уничтожения, выращенные неизвестно кем и неизвестно как из «обычного» вещества, но подчиняющиеся иным, нечеловеческим логическим принципам. К счастью, в их арсенале не было «нульхлопов», иначе «Ра» пришлось бы туго, потому что по нему попадали не раз, и только «зеркально-вакуумная» защита спейсера спасала его от уничтожения.

Сообщение Руслана Горюнова о включении аннигилято-

ра застало Маккену врасплох. Сам он поступил бы по-другому. Но решение было принято, следовало исходить из реалий обстановки, и Рудольф нашёл единственно правильный выход из положения, поддержанный экипажем: состыковаться с брандером и, несмотря на непрекращающиеся атаки сторожевых «крокодилов», пересадить на борт группу Руслана.

Радужный фонтан аннигиляционного огня – протоны корпуса брандера, сталкиваясь с антипротонами, излучёнными земным аппаратом, самоуничтожались, превращаясь в поток энергии – был виден издалека, его копьё вытянулось на сотни километров, толкая брандер в чёрную пропасть Большой Дыры.

«Ра» прорвался к брандеру в тот момент, когда один из «крокодилов» клинком яркого огня уничтожал драккар, управляемый кибом и пытавшийся убежать от преследователей. Залп «нульхлопов» превратил в ничто все три «крокодила», приблизившихся к брандеру «на расстояние крика».

«Ра» сделал немислимый «поворот оверштаг» – развернулся на сто восемьдесят градусов, одновременно сбрасывая скорость с почти световой на нулевую, пропустил мимо себя длинный язык злого аннигиляционного пламени и прилип кормой к боку брандера – небольшой «гриб-трутовик» по сравнению с гигантской «корягой» чужого корабля.

«Скорость десять! – доложил Клиффорд. – Ускорение пять «же».

«Добавь, сколько можешь», – приказал Маккена.

Перед глазами заплясали цифры режима ускорения, растущей скорости брандера, тяги на оси, количества преследующих брандер «крокодилов».

Скорость носителя БОХ нарастала медленно, несмотря на двойное действие ускорителей – двигателей «Ра» и струи аннигиляции, всё-таки масса брандера была велика, соответственно его размерам. Залп спейсера уничтожил первый десяток из стаи «крокодилов»-преследователей, и Терёшин торжествующе завопил:

– Ага, не нравится, сучье отродье?! Суньтесь ещё!

«Скорость двадцать!»

Это означало – двадцать тысяч километров в секунду.

Но оторваться от преследователей на такой скорости было невозможно. Управлять брандером в режиме «суперструны» люди не научились, хотя он мог мгновенно преодолевать громадные расстояния (иначе как оказался бы на Кеплере?), и Маккена впервые в жизни почувствовал страх, подумав, что крейсер в данный момент представляет собой удобную мишень для оружия сторожевого флота Знающих.

Очередной залп «Ра» уничтожил ещё десяток «крокодилочерепах».

Но прошла секунда, две, десять, тридцать – ответного огня преследователи не открывали.

У Маккены родилось смутное подозрение, что он упустил из виду важную деталь.

– Почему они не стреляют? – с недоумением спросила Ма-

рианна.

– Боятся повредить свою посудину, – хмыкнул Терёшин.

– Боятся, что взорвётся их сверхбомба, – добавил Иванов.

– Вячеслав, Иван – заберите группу Горюнова!

– Идём. – Терёшин разверстал кокон-кресло, дождался бортинженера, и две блистающие металлом фигуры утащил из рубки вариалифт корабля.

«Скорость тридцать!» – доложил инк.

«Прекратить огонь!»

«Есть прекратить!» – отозвались одновременно Марианна и Клиффорд.

Секунды потекли ручейком лопающихся воздушных шариков, отщёлкивая не время – приближение гибели.

Но прибывающие «крокодилочерепахи» по-прежнему не спешили открывать огонь, выстроились ажурной колонной, сопровождая своего собрата, нагруженного Бомбой Хаоса, и вдруг стали удаляться.

«Ра» содрогнулся. Из недр корабля прилетели серии странных щелчков и тресков.

«Отмечаю резонансные колебания силовых завес каркаса! – доложил Клиффорд. – Сбои в работе командных цепей!»

– Капитан... – начал Артур Воеводин.

– Ждём группу! – отрезал Маккена.

Очертания приборов, консолей, стен рубки начали медленно плыть, искривляться, словно они были сделаны из

мыльной плёнки.

Маккена почувствовал, как тело распирает изнутри какая-то сила, мышцы начали болезненно подёргиваться, кровь в жилах потрясла мелкая дрожь, отзываясь головной болью.

– Наводки! – просипел Артур.

– Пилот? Что?

– Наверно, эффект взаимопроникновения вакуумов... мы находимся в краевой зоне... ударной волны.

Маккена понял: сцепка брандер – спейсер углубилась в Большую Дыру настолько, что стали проявляться реакции взаимодействия континуумов «родной» Метавселенной и Вселенной Знающих-Дорогу. Менялась мерность пространства, менялись полевые конфигурации, менялись сами законы физики! А выдержит ли защита «Ра» перепады принципиально разных физик, было неизвестно. Но бросить товарищей в недрах чужого корабля Маккена не мог.

– Родной... – прилетел по консорт-линии голос жены.

– Да, милая? – вскинулся он. – Как ты?!

– Ничего... держусь...

– Я не могу оставить Горюнова...

– А я и не уговариваю. Что бы ни случилось – я с тобой!

– Я люблю тебя!

– И я тебя!

Огни и звёзды на фоне чёрного полога вдруг расплылись туманными облачками, пропали. Чёрная пропасть пе-

ред мчащимся брандером расступилась как толща воды под упавшим метеоритом, пропуская два корабля, окунувшиеся в серую морось, в странный туман без единого ориентира.

По нервам побежал огонь...

– А-а-а!.. – закричал кто-то тоненьким голоском...

Глава 8

Домашний арест

Получив от секретаря Управления «К» предложение посетить кабинет Гицгера, Иван не особенно удивился. Он официально числился заместителем Воеводина и проигнорировать приказ высшего должностного лица не мог. Надо было пройти все пакостные процедуры смены руководства и ритма жизни и думать, что делать дальше. Впрочем, разговор с генералом на эту тему уже состоялся, и Грымов знал, чем станет заниматься в случае увольнения.

Однако дело повернулось иначе, нежели он рассчитывал.

Гицгер, похожий на очеловеченную обезьянку, ставшую на задние лапки, принял его в своём офисе, запрятанном в башне Земной Федеральной Службы безопасности, которая в свою очередь располагалась рядом с башней Федерации в Таиланде. Грымов никогда раньше не бывал в этом заведении, поэтому с любопытством рассматривал приёмную Управления, обслуживаемую вифами и витсами, напоминающую зал нависшего над пропастью древнего замка, и сам кабинет начальника, сверкающий сотней мелких колонн и барельефов.

Оделся Иван в соответствии с уставом в официал-уник с витым аксельбантом полковника на левом плече, и пропустили его в башню, а потом и в приёмную Управления

на пятьдесят первом этаже без каких-либо условий и требований допуска. Инк ФСБ знал о существовании «Сокола» и проконсультировал охрану здания о принадлежности гостя.

– Присаживайтесь, полковник, – кивнул Гицгер на роскошное кресло у массивного стола, за которым сидел руководитель контрразведки, координирующий работу родственных органов всей Федерации. Из-за стола Тадеуш вышел, но руки не подал.

– Я не надолго, – сказал Иван, протягивая хозяину кабинета (сколько же здесь хрусталя!) шпильку флешки, – постою.

– Что это?

– Рапорт об увольнении со службы.

По сморщенному как печёное яблоко желтоватому лицу Гицгера побежали морщины.

– Не торопитесь, полковник, с рапортом, сначала выслушайте предложение. Присаживайтесь.

Гицгер вернулся за стол, занял свой трон.

Иван мимолётно подумал, что чем subtilнее и мельче личность, тем более роскошны её апартаменты и монументальнее предметы быта, которыми она себя окружает.

Подумав, он сел.

– Подразделение «Сокол» расформировывается, – начал Гицгер, не предложив гостю никаких напитков. – Его руководитель генерал Воеводин освобождён от занимаемой

должности и будет находиться под следствием.

– Я в курсе, – сухо сказал Иван, – но не понимаю причин. Генерал Воеводин действовал правильно.

Гицгер пожевал губами, с сомнением разглядывая Грымова блёклыми глазками.

– Это решит следствие.

– Я бы хотел уйти со службы.

– У вас нет формальных причин.

– Слабое здоровье. – Иван всё-таки положил флешку на край стола главы Управления. – Здесь все данные анализов, диагноз, рекомендации врачей.

– Зная ваши связи и контакты, могу предположить, что диагноз составлен ответственными людьми. – Гицгер растянул узкие губы в подобие улыбки. – Но ведь вы раньше к врачам не обращались, насколько мне известно?

«Уел, мартышкин брат, – поморщился в душе Иван. – Успел ознакомиться с личным делом».

– Пришло время, герр адмирал, всему когда-то приходит конец, здоровью тоже.

– И всё-таки вы торопитесь. Я создаю другое секретное подразделение для борьбы с агентурой иного разума, в первую очередь – с Вирусом. Не хотели бы возглавить его?

Иван хотел сразу ответить отказом и вдруг подумал, что может получить весьма солидную выгоду, будучи командиром целого подразделения и оставаясь при этом сотрудником глубинного ядра «Сокола», половина бойцов которого,

верные долгу, так или иначе продолжали служить человечеству на уровне, недоступном ни Гицгеру, ни новому директору ФСБ Будрису.

– Секретное подразделение, вы говорите?

– Оно получит название «Стелс».

– Но многие служащие «Сокола» уже уволились.

– Неважно, наберём новых.

– Боюсь, таких профессионалов вы не найдёте.

– Не беспокойтесь, была бы поставлена задача, а кадры будут. К тому же мы рассчитываем на кое-кого из ваших подчинённых, к примеру, на майора Плетнёва.

– На Плетнёва не рассчитывайте, – твёрдо заявил Иван, зная, чем будет заниматься Андрей. – Он и всё его подразделение уволились и собираются заняться предпринимательской деятельностью.

Гицгер сморщился.

– Мы сделаем запрос, объясним... но вы-то согласитесь?

Иван сделал умышленную паузу, сделал вид, что колеблется.

– Каковы условия?

– Должность генерала...

– Это не главное.

– Высокий оклад, не меньше миллиона рублюаней... почти то же – в евrikaх... плюс премии.

– И это не главное.

– Полная независимость... ну, или почти полная, будете

работать в таких же криптоусловиях, как и сейчас, и даже более строгих. Все виды допусков. Все поддержки. – Гицгер снова пожевал губами, подмигнул. – Любые требования личного характера.

Иван сделал вид, что не понял последнего предложения.

– Звучит заманчиво... прописать бы в контракте... подумайте дадите?

– Сутки, времени нет. Завтра в одиннадцать утра ко мне.

Иван встал, щёлкнул каблуками.

– Адмирал...

Гицгер поспешно вскочил, проводил гостя до дверей.

– Жду, полковник. Надеюсь на взаимопонимание.

В галерее с прозрачной стеной, опоясывающей пятьдесят первый этаж башни, Иван вызвал Плетнёва по менару:

«Андрей, я вышел».

«Вижу, – ответил командир группы. – Встретим в метро».

Предосторожности лишними не были. Во-первых, ещё помнился случай с начальником базы «Сокола» Бильжо, предавшим товарищей и работавшим на Знающих-Дорогу. Во-вторых, уже было известно, что за всеми командирами подразделений «Сокола» (к счастью, были и законспирированные сотрудники) было установлено наблюдение. За Иваном тоже летал «комар» – нанодрон размером с глаз мухи, и, хотя его можно было нейтрализовать в любой момент, проблемы это не решало и слежку остановить не могло.

Встретились в зале метро, напоминающем старинную

станцию московского подземного транспорта середины двадцать первого века, обложенную белым с чёрными и зеленоватыми прожилками мрамором. Кабин здесь было установлено с полсотни, и они не пустовали, поток пассажиров не иссякал ни днём ни ночью, хотя попасть в башню Службы безопасности мог далеко не каждый человек.

– Куда летим? – осведомился Плетнёв, выглядевший обычным молодым клерком с модной причёской «сисадмин».

– В Тулу, – коротко ответил Иван.

Из лаборатории технических систем, принадлежащей «Соколу» и являвшейся на самом деле секретной базой для разработки оружия и защитных устройств, ему позвонили ещё вчера вечером и обещали показать какой-то сюрприз. Не посетить её было бы неправильно. Передавать лабораторию в ведение Гицгера или Будриса Воеводин отказался, официально она принадлежала российскому концерну «Ростехнологии» и подчинялась министру машиностроения, что снимало многие вопросы федеральных чиновников.

Вместе с Грымовым и Плетнёвым в кабину вошли три человека – бойцы группы, одетые пёстро и демократично, как одевалась вся молодёжь мира, использующая уники – универсальные костюмы с изменяемой геометрией, фасоном и фурнитурой.

Вышли в небольшом зале метро оружейного техцентра, в недрах которого и пряталась лаборатория, получившая шут-

ливое название «Умелые руки». Вариалифтом до неё добраться было невозможно, пришлось пользоваться движущимися дорожками и обычным лифтом, на что ушло около десяти минут. Если бы Иван не посещал лабораторию раньше – техцентр представлял собой целый подземный город, – мог бы и заблудиться, так как никаких указателей в коридорах не имелось. Его посетителей вели только навигаторы личных гаджетов, а координат «Умелых рук» вообще никто из посторонних не знал.

Встретили делегацию «Сокола» из двух человек (подчинённые Плетнёва остались в зале метро) начальник лаборатории Косторезов и главный технолог Шульга. Поздоровались, Косторезов – широкий в кости, бородатый, спокойный – пропустил гостей (на двери перемигнулись паутинки опознающей системы), сказал густым басом:

– Пойдёмте, покажу кое-что сначала.

Лаборатория занимала самый нижний уровень центра, но сколько в ней помещений и сколько народу работает, не знал, наверно, даже Воеводин.

Короткий просторный коридор без единого фонаря (казалось, светился сам воздух), с рядами дверей без единой таблички, абсолютно пустой, привёл мужчин в зал, заставленный рядами боксов, рабочих модулей и сложных механизмов под прозрачными либо матовыми колпаками.

Косторезов подвёл представителей «Сокола» к одному из боксов, они вошли.

Бокс внутри напоминал мастерскую по пошиву одежды из металлической фольги и одновременно литейный мини-цех, в закрытых чанах и ковшах которого мерцали, пенились, сверкали и бурлили светящиеся жидкости и настоящий жидкий металл.

Бригада обслуживающих «цех» операторов состояла из трёх живых людей и трёх витсов, хотя отличить их друг от друга было затруднительно, все они носили рабочие защитные комбинезоны белого или синего цвета.

– Вот, любуйтесь, – показал рукой Косторезов на подобие верстака, занятого самым стандартным с виду, даже затрапезным, «джинсовым» костюмом, украшенным заклёпками и голографическими вставками.

Плетнёв не ответил, внимательно разглядывая костюм.

Иван пожал плечами.

– Ширпотреб.

Технолог Шульга, бледный, тонколицый, седой, улыбнулся.

– Этого впечатления и добивались. Новая «кольчуга». Степень защиты – класса «голем».

– Мы разобрались с ошмётками, оставшимися от Неуязвимого после боя на Кеплере, – пробасил Косторезов, – выяснили технологии обработки биоматериала, кое-что взяли на вооружение. В этом костюмчике можно будет спускаться в жерло вулкана или на равных сражаться с любыми Неуяз-

вимыми. Датчане из «ОЭ»¹⁶, конечно, постарались, действительно создали классного «универсального солдата», по сути – киборга, но и мы не сплеховали. Хотите испытать образец?

– На мне и так «кольчуга», – развёл руки в стороны Иван.

– Первый вариант всего лишь. Хороший костюм, спору нет, но вы легко убедитесь, что второй намного совершеннее. Мы даже назвали его «доспехами бога».

– Оригинально. К сожалению, нет времени. Нужны не прототипы, а костюмы, готовые к эксплуатации. Когда закончите испытания?

Косторезов и Шульга переглянулись.

– Не раньше, чем через месяц, – осторожно сказал Шульга. – И так работаем в три смены, без выходных, а вещь сложная, это вам не трусы пошить.

– Две недели, пожалуй, – предположил Косторезов.

– Хорошо, неделя, – сдался Иван. – Хотя бы один комплект. Возникла существенная надобность.

– Это официальная позиция Деда? – сухо осведомился Косторезов.

Дедом в подразделениях «Сокола» называли Воеводина.

– Это моя личная просьба, – смущённо признался Иван. – Дед отстранён от руководства, и ему, по моему глубокому мнению, «кольчуга» нужна уже сейчас.

Косторезов вопросительно посмотрел на спутника.

– Сделаем всё, что можем, – нехотя сказал Шульга.

¹⁶ «ОЭ» – частный датский биоконцерн «Оденс Эвентирпас».

– Идёмте в мой загон, – сказал начальник лаборатории.

Обогнули боксы и модули, подошли к стене с едва видимым контуром двери. Световые паутинки пробежались по лицам мужчин, дверь открылась.

По сравнению с кабинетом Гицгера рабочий модуль Косторезова (загон, как он выразился) выглядел как собачья будка против львиного вольера. Но он был функционально ориентирован, не содержал ни одной лишней, а тем более роскошной детали и вполне удовлетворял владельца техническим обеспечением. А видеопласт кабинета в любой момент мог создать любые «обои», какие только можно было придумать.

Косторезов подвёл гостей к столу, на котором была разложена коллекция стреляющего оружия: «универсалы» разной мощности, бластеры, лазерные излучатели, плазмеры и необычного вида, хорошо «зализанные» пистолеты без каких-либо хитрых загогулин и выступов.

– «Удав», – хмыкнул Иван, оценивая хищную геометрию ближайшего излучателя. – Нет?

– «Скорпион», «болевик» пятого поколения, – сказал Шульга с гордостью. – Рабочее название – «вырвиглаз». Действует на все виды нервных систем, на любого зверя и человека, доводит до шокового состояния за доли секунды. С ним не справится никакой Неуязвимый.

– Это хорошо.

– Хорошо?! – фыркнул главный технолог. – Этот «боле-

вик» не имеет аналогов в мире!

Косторезов взял со стола ещё один пистолет, протянул Грымову.

– Оцените.

Иван намётанным глазом пробежался по выпуклым деталям излучателя, погладил толстый рубчатый ствол, потрогал кольцо на стволе, попытался вынуть обойму.

– «Шприц»?

Шульга развеселился.

– Вас ничем не удивишь. Это и в самом деле пускач, стреляет нанокиллами, прицельная дальность – пятьдесят метров, опять же не имеет аналогов в мире. Но этот образец демонстрационный. В новой «кольчуге» он будет вмонтирован в ремень либо в плечевые накладки, спуск мысленный, наводка на цель – через сетчатку глаза. Впрочем, как и все системы атаки и защиты.

Иван посмотрел на Плетнёва, бесстрастно взирающего на коллекцию.

– Что скажешь?

– Игрушки, – равнодушно сказал майор. – «Вирусят» надо уничтожать наверняка, чтобы и атомов не оставалось.

– Работаем, – осклабился Косторезов. – Характеристики Бомбы Хаоса изучены, готовим техзадание для разработки многомерных излучателей. Объект должен исчезать как после разряда «нульхлопа», но без всяких световых и звуковых эффектов.

– Да! – с чувством проговорил Иван. – Было бы неплохо получить такую дубинку, особенно при открытом столкновении с «вирусятами».

– Думаете, дойдёт до прямого столкновения?

– Судя по атаке на полигон на Кеплере, останавливаться они не собираются.

– Ускорим работу.

– Главное пока – «кольчуга». Нужна помощь – скажите, привлечём лаборатории в Твери и Томске.

– Сами справимся, – проворчал начальник лаборатории.

Гостей проводили до метро. Расстались тепло.

– Куда теперь? – спросил Плетнёв, выбрав кабину.

– К Деду, – сказал Иван. – И на этом, Андрей, наша с тобой совместная деятельность закончится.

Плетнёв споткнулся, словно в него попала пуля, повернулся к полковнику всем телом. В глазах майора мелькнула тень тревоги.

– Я... тоже отстранён?

– Степану Фомичу угрожает реальная и очень серьёзная опасность. Ему нужна постоянная охрана. Твоё подразделение будет отвечать за его здоровье и жизнь. Ты против?

Плетнёв облегченно вздохнул.

– Нет.

– Вот и славно.

– А ты?

– Со мной останется Ждан и его волкодавы.

Речь шла о подразделении ВИП-охраны «Сокола».

— Кроме того, нам понадобятся надёжный тыл и оперативная группа на подхвате, — добавил Иван. — По сути, ты будешь выполнять ту же работу, только в крипторежиме.

— Хорошо.

Через минуту они вышли из метро на острове Гукера, входящем в архипелаг Франца-Иосифа. Архипелаг с тысяча девятьсот четырнадцатого года принадлежал России, а остров Гукера площадью пятьсот восемь квадратных километров был одним из десяти самых крупных его островов. На нём почти триста лет назад была построена научно-исследовательская станция, но первые стационарные поселения появились лишь в середине двадцать первого века, после создания в бухте Юрия пограничной заставы.

К началу двадцать четвёртого века на острове возникли купольные городки с населением под тысячу человек и был возведён терминал орбитального лифта, верхний вокзал которого был привязан к спутнику на высоте четырёхсот километров.

Белёсая шпага лифта, уходившая в небо, была видна над островом чуть ли не с Северного полюса. Однако, несмотря на приближение цивилизации к границам льдов, ландшафт острова почти не изменился. Ледниковые купола подтаяли, но сохранились. Потоки выводных ледников измельчали, но полностью не исчезли, несмотря на глобальное потепление. К незамерзающим и в прежние времена бухтам Юрия и Ти-

хая добавились ещё несколько, покрывающиеся льдом на короткое время.

Семья Воеводиных жила в одном из городков, защищённых силовым куполом, расположенным на скале Рубини, разделяющей бухты Юрия и Тихую.

Корни рода генерала уходили в землю Крайнего Севера России по крайней мере на четыреста лет. Его предки, поморы, жили в Мурманской губернии, на Шпицбергене и на побережье Белого моря. Дед Степана Фомича одним из первых поселился на Камчатке, потом переехал на южное побережье острова Гукера, когда на севере начали раздавать по гектару земли для добровольных переселенцев, где и родился шестьдесят семь лет назад будущий начальник «Сокола».

От метро до жилого комплекса на двести квартир, венчающего скальное ребро Рубини, летели на флайт-такси местных аэролиний. Летели недолго, всего пять минут, но успели полюбоваться на поля мхов и лишайников вокруг города, на птичий базар – сотни чаек, буревестников и кайр чувствовали себя здесь вполне комфортно, – на скалы северного побережья острова, а Плетнёву посчастливилось заметить их обитателей – нерп.

«За нами наблюдают», – включил менар Плетнёв.

«Чую, – отозвался Иван. – Может быть, это наши парни?»

«Нет, доклады наших я получаю».

«Не зря ко мне в Управлении прицепили «комара». Хорошо бы вычислить глядунов, из какой они епархии».

«Попробуем».

Такси с двумя пассажирами (бойцы Плетнёва летели на другом флайте) спикировало на крышу дома, выстроенного в стиле «юрта», пожелало им приятного отдыха.

Вышли, разглядывая ряд машин на стоянке, среди которых выделялся белый аэрокар «БМВ» без номеров. Колпак машины был откинут, в кабине находились двое мужчин в гражданском, делающих вид, что любуются пейзажами острова.

«Сторожа?» – послал мысль Иван.

«Генеральская свита, – ответил Плетнёв. – Генерала стерегут федералы, он же под надзором».

Рядом опустилась жёлтая машина с тремя оперативниками Андрея.

– Ждите здесь, – сказал он им, переходя на обычную рацию.

Квартира Воеводиных занимала северную часть двадцать второго уровня. Лифт скользнул с высоты двадцать шестого этажа вниз, выпустил пассажиров.

Дверь открылась, как только они подошли к ней.

Квартира была четырёхкомнатной, с необычным решением внутреннего пространства: все комнаты и коридоры в ней были криволинейными, расчерченными по идеальным дугам.

Иван уже бывал в доме генерала и знал эту особенность, Плетнёв попал к нему в гости впервые, поэтому оглядывал

интерьеры с интересом.

Воеводин вышел к ним в чёрном эскимосском халате с оленями, пробурчал:

– Вы опоздали на тридцать три минуты.

– Гицгер помариновал меня на двадцать минут больше, чем я рассчитывал, – виновато сказал Иван. – Пришлось изменить своё кредо.

– Что ещё за кредо?

– Откладывать на завтра всё, что можно.

– Удобное кредо.

– А потом мы посетили загон Косторезова.

– Хотите меня удивить?

– Не всё так плохо, Степан Фомич, как вы думаете, – усмехнулся Иван.

– То есть всё намного хуже? – поднял бровь хозяин, приглашая контрразведчиков в гостиную, полную старинных полок с книгами. Воеводин был библиофилом со стажем и привозил книги из всех мест России, куда забрасывала его судьба.

– У вас хорошее настроение? – с некоторым удивлением констатировал Иван.

– А почему оно должно быть плохим? Реакция Знающих была ожидаема, зато мы выявили ещё пару агентов. Кофеёчку сварить? Я один, жена на службе, дети в разных концах света.

– Напрассо, – сказал Плетнёв. – Если можно.

– Без проблем. Тебе?

– То же, с лаймом.

Воеводин не пошевелился, но через минуту, после того как все расселись вокруг стола с прозрачной столешницей, юркий киб приволок необходимый набор для кофе, и гости принялись смаковать напитки.

– Слушаю вас.

– Мне предложили возглавить новую структуру «Стелс» взамен «Сокола», – сказал Иван. – Дают генерала и все преференции.

– Надеюсь, ты согласился?

– Взял сутки на размышления.

– Соглашайся, мы будем знать всё, что планирует Гицгер.

– Я тоже подумал об этом. – Иван посмотрел на Плетнёва. – Майор отныне в вашем распоряжении.

– Это нецелесообразно, – нахмурился Воеводин.

– Очень даже целесообразно. Вы сейчас лишняя головная боль Знающих, и они пойдут на всё, чтобы эту боль снять... вместе с головой.

– У меня есть охрана.

– Прошу прощения, Степан Фомич, – с вежливой твёрдостью произнёс Иван, – это не обсуждается. С моим решением согласились командиры всех подразделений. На крыше вас стережёт пинасс без бортового номера, может быть, это ребята Будриса, а может быть, и подручные Знающих. А за

домом ведётся наблюдение.

– Ну, правильно, они соблюдают императив «клетка», а же под домашним арестом.

– Не ровён час поступит распоряжение убрать вас, и «клетка» захлопнется навеки.

– Хорошо, посижу под колпаком. Ещё новости?

– От Маккены ничего...

– Я в курсе.

– Федералы готовят экспедицию Комкона¹⁷ в ядро Галактики, но Шапиро в её состав пока не включён. Руководителем, скорее всего, станет кто-то из комконовцев.

– Нам нужен свой аналитик в команде.

– В рейд отправят «Непобедимый», а его капитан Бунич уже сотрудничал с нами.

– С ним нужно побеседовать.

– Я уже договорился встретиться с ним.

– Но одного человека мало, даже облечённого определёнными полномочиями, нужна команда.

– Люсьен Леблан, – впервые заговорил Плетнёв.

Руководители «Сокола» посмотрели на него с одинаковой озабоченностью.

– Вообще-то он бывший французский коп, – с сомнением проговорил Иван. – После выселения агента МККЗ он перестал влиять на события.

– Тем не менее он остался с нами и готов работать, – ска-

¹⁷ Комкон – Комитет по контактам с иными цивилизациями.

зал Воеводин.

– Его могут включить в состав экспедиции как представителя ФАК, – пожал плечами Плетнёв. – Если кто-то из вер-хушки Агентства обратится к Будрису.

Воеводин вопросительно глянул на заместителя.

– Может сработать, – кивнул Иван. – Если только эмиссар Знающих не догадался, что Леблан был агентом МККЗ.

– В принципе, кандидатура хорошая. Я попробую вый-ти на руководство ФАК. Но и Шапиро надо включить в состав экспедиции, Всеволод не только классный специалист, но и хороший интуитивист.

Появился киб, ловко собрал чашки, унёс поднос.

– Нужен ещё контакт с Комконом, – сказал Иван. – Я там мало кого знаю. Насчёт Шапиро вы правы, его неплохо было бы отправить к ядру. Не как контактёра, а как спеца по М-физике и эксперта широкого профиля.

– Брат моей жены работает в главной «конторе» ФСБ, – снова заговорил Плетнёв, сохраняя невозмутимый вид. – Возглавляет отдел социальных исследований.

Иван поймал взгляд генерала.

– Базилио Санчес, – сказал он, – испанец. Жена Андрея Камелия тоже испанка.

– Я догадался, – проворчал Воеводин. – У него есть доступ к руководству Комкона?

– Должен быть, он всё-таки начальник отдела.

– Попробуйте объяснить ему задачу.

– Есть! – в один голос ответили Иван и Андрей.

– И ещё меня беспокоит вопрос: кто инициатор посылы экспедиции к ядру?

– Гицгер.

– Он только озвучил идею, но если Гицгер эмиссар Знающих, на кой ляд им экспедиция в ядро, направленная на поиски соратников в борьбе с ними же? Что они задумали?

– Попытка распылить наши силы в Солнечной системе, – предположил Иван. – «Ра» отправлен к Большой Дыре за три миллиарда эсве от Солнца, и они об этом догадываются. Если мы удалим из Системы ещё пару-тройку крейсеров такого же класса, наш защитный флот ослабеет.

– Вряд ли они собираются атаковать Систему напрямую.

– Мы не знаем их конкретных планов. Попытка повредить Суперструнник и помешать нам заткнуть «дырки» в Омеге Кентавра и в Стене Крестовского не удалась, но ведь они на что-то рассчитывают?

– Всё равно нападение флота «крокодилочерепах» на Систему обречено на провал. Объединёнными усилиями федерального флота и флотов космических держав мы отобьём атаку. К тому же никто не собирается распылять основные силы флота. К Омеге Кентавра надо обязательно слетать, чтобы убедиться в эффективности удара Суперструнника, но и туда Комбез решил экспедицию не отправлять.

– Надо взять «языка», – сказал Плетнёв.

– Свежая мысль, – буркнул Воеводин.

Плетнёв покосился на Ивана.

– «Язык» бы не помешал, – поморщился Иван, – да все агенты Знающих запрограммированы на самоликвидацию. Психотроники пытаются найти способ затормозить включение программы, однако пока без особых успехов.

– Подождите ставить перед собой задачи, кажущиеся выполнимыми. Сначала надо решить главную – выявить того, кто командует парадом в Системе от лица Знающих. После заседания Комбеза у наших дам возникли определённые подозрения в принадлежности членов Комитета к агентуре Знающих. Это Гицгер и Будрис. Возможно, еще Абд эль Бай. Но ни один из них не тянет на главного кукловода.

– Мы грешили на владельца метросети.

– Эрдоганоглу не дали выступить. Но тут обнаружились нюансы. Я кое с кем проанализировал ситуацию, – Воеводин взглядом включил вириал инка, и над столом вспыхнул столбик виома, в котором проявилась россыпь человеческих фигур, имён и цифр, – и вот что получилось. Эмиссар Знающих должен быть либо вхож ко всем сильным мира сего, либо незаметен как привычная деталь интерьера. Мы прошлись по соцсетям Федерации и вычленили самые естественные учреждения, связь с которыми никому не мозолит глаза.

– Доставка пищи, – сказал Плетнёв.

Воеводин усмехнулся.

– В том числе. Начали мы с медицины, выяснили всех должностных лиц, пользующихся системами профилактики

здоровья, составили список медицинских деятелей, консультирующих высших руководителей. Те, кого мы подозревали, в этот список не вошли. После этого мы проверили рестораны, которые посещает элита, банки, имеющие серьёзных клиентов, клубы развлечений, систему ЖКХ, службы доставки, транспорт, полицию. Есть забавные совпадения.

– Полиция – игорный бизнес, – предположил Иван.

– Совершенно верно, связь прослеживается интересная, хотя по большей части уголовная. Но есть и очень перспективные пересечения интересов. Существуют две структуры, дополняющие друг друга: служба технического обеспечения – филиал ЖКХ и СУБО – служба утилизации бытовых отходов, также относящаяся к жилищно-коммунальному хозяйству, и обе они работают в условиях полной закрытости. К примеру, твой дом обслуживается так же, как и другие строения в любом районе города или поселения, ты хоть раз замечал, когда и кто убирает мусор? Или ремонтирует коммуникации?

Иван наморщил лоб.

– Видел... как будто... не обращал внимания.

– Вот и ответ. На эти службы никто не обращает внимания, да и работают они преимущественно по ночам. То есть искать «вирусят»-курьеров и рекрутеров следует именно в этих организациях.

– Я бы ещё службу доставки присоединил, – шевельнулся Плетнёв. – Под видом пиццы или макбургера можно пере-

дать всё, что угодно, даже бомбу.

– Согласен, – кивнул Воеводин.

– Мне этим заняться? – поинтересовался Иван, испытав досадное чувство зависти: он сам должен был догадаться, где лучше всего искать идеологов и исполнителей планов Знающих.

– Нет, у тебя своё поле деятельности. Устраивайся на новом месте, – Воеводин со смешком вытянул губы трубочкой, – генерал, устраивай слежку за Гицгером, курируй экспедицию к ядру. Проверкой наших аналитических выводов есть кому заняться. Но я ещё не всё сказал. Оказалось, что нынешний президент МФК Тайжаб Эрдоганоглу является также и членом совета директоров СУБО. И знаете, кто управляет этой службой?

Гости с одинаковым вопросом посмотрели на хозяина, намеренно сделавшего паузу.

– Жена Будриса Жанна, – закончил Воеводин. – Как вы думаете, такие связи могут быть случайными?

Иван молча покачал головой.

– Вот и я так думаю.

Внезапно по системе «спрута» прошёл сигнал внимания. Беседующие замерли.

– Внимание! – заговорил дежурный инк сети связи «Сокола». – Получена короткая депеша от Маккены: «Принял посылку... атакован сторожевым флотом Знающих... иду...»

– Куда, – проговорил Воеводин ломким голосом, – «иду»?

– Это вся депеша, – ответил дежурный.

Глава 9

Груз надежд

Старт с Луны крейсера Федеральной Службы безопасности «Непобедимый» наблюдали все официальные лица Земной Федерации, принимавшие участие в организации экспедиции. Все они, конечно, не находились в данный момент на поверхности земного спутника, занимая удобные кресла в своих кабинетах или в залах визинга других космических кораблей, но видели всё так, словно смотрели на старт с расстояния всего в сто метров.

«Непобедимый» был великолепен.

Сошедший со стапелей Владивостока два года назад, он являл собой новый тип компактных транспортных систем, называемых «квазиживыми организмами». Естественно, корабль был напичкан суперсовременным оборудованием, оружием, комплексами защиты и отдыха, а управлял им инк класса Стратег, получивший имя Платон, способный за миллионные доли секунды определить степень угрожающей экипажу опасности и отреагировать на неё.

Поскольку всеми операциями по обслуживанию систем корабля ведал Платон, имеющий под началом целую армию функционально ориентированных исполнительных и защитных механизмов – форгов и фозмов, численность экипажа «Непобедимого» не превышала численности стандарта для

всех космолётов массой больше десяти тысяч тонн – шесть человек, включая капитана.

Командовал экипажем Варфоломей Бунич, сорокапятилетний уроженец Гомеля, участник двадцати с лишним звёздных экспедиций, награждённый многими орденами и медалями. Его подчинёнными были первый пилот (драйвер-прима) Маркус Леон, второй пилот (драйвер-секунда) Чеслав Ржичка, бортинженер Теодор Оссовски, инконик Рэм Блюминг и оператор защиты Роберт Портер. Все – мужчины. Ни одного трикстера.

В состав экспедиции вошли восемь человек, в том числе Люсьен Леблан – как ответственный представитель Федерального Агентства по контролю за опасными исследованиями и «угол» качества ответственности наравне с капитаном корабля и начальником экспедиции, и Всеволод Шапиро, включённый в отряд по настоянию руководства Института нестандартных физических проблем в качестве эксперта-физика.

Начальником экспедиции стал шестидесятипятилетний африканец Тульпаан Нтомба, доктор ксенопсихологии, профессор, заместитель генерального секретаря Комкона.

Шапиро хорошо знал его по встречам на европейских симпозиумах универсалистов и относился с уважением, хотя не всегда соглашался с выводами Тульпаана. Они даже успели поспорить перед отлётом на тему, кто населяет центральную звёздную область Млечного Пути – балдж, гума-

ноиды или существа, отличные обликом от человека. Тульпаан считал, что межзвёздное сообщество в центре Галактики управляется негуманоидами, Шапиро возражал, приводя в качестве доказательства своих умозаключений факт отказа жителей ядра от контактов с человечеством.

– Сущность нашей гуманоидной цивилизации, – говорил он, – характеризуется трансформацией сырья в отходы и природной гармонии и красоты в урбанистическое уродство. Естественно, наши соседи, пережившие этот бардак у себя, не хотят иметь с нами никакого дела. Поэтому они должны быть гуманоидами, пережившими стадию социальной организации.

Он лукавил, конечно, потому что и сам склонялся к мысли, что логика разумных существ ядра далека от человеческой, а иметь таковую могли только оттолкнувшиеся от всего человеческого мыслители.

С другой стороны, магелланцы – существа, населявшие звёзды Магеллановых Облаков¹⁸, приславшие землянам сообщение о гибели цивилизации «пылевиков», тоже были негуманоидами, но соседей-людей не игнорировали.

В два часа по среднесолнечному времени пассажиры заняли свои места в каютах, имевших защитные коконы; члены экипажа находились в рубке давно.

Шапиро уже не раз бывал в космосе, поэтому каюту огля-

¹⁸ Магеллановы Облака – карликовые галактики, соседи нашей галактики Млечный Путь.

дел по-хозяйски, глотнул опунциевого коктейля и устроился в кокон-кресле, настраивая связь с сетью интеркома.

До посадки он успел поговорить с Иваном Грымовым и пообещал полковнику, ставшему вдруг генералом и руководителем секретного отряда «Стелс», вести не зависимые от руководства экспедиции записи всего, что будет происходить в ядре Галактики, а при случае послать весточку вместе с пакетом основных сообщений отряда коммуникаторов.

Система обзора корабля показала стотридцатикилометровый кратер Эйткен, расположенный на обратной стороне Луны, с поверхности которого «Непобедимый» – двухсотметровой высоты купол «жидкого металла» – должен был начать свой бросок к ядру Галактики длиной почти двадцать восемь тысяч световых лет. Пейзаж особого впечатления не производил, в кратере практически не было поселений, не считая разлапистой антенны дальнего обзора космоса, принадлежащей «Сфере» – визуально-наблюдательному конгломерату человечества, контролирующему пространство Солнечной системы. Поэтому Всеволод не стал тратить время на любование лунным ландшафтом. Он сразу установил контакт с инком:

– Сэр, когда с вами можно пообщаться?

– В любой момент, сэр, – мягким баритоном ответил Платон.

– Очень рад! У меня к вам есть несколько вопросов.

– Слушаю, сэр.

– Сколько мы сделаем остановок на пути к ядру?

– Программа остановок мне неизвестна, сэр.

– Соблюдение секретности? – фыркнул Шапиро.

– Совершенно верно, сэр.

– Нельзя ли остановиться в созвездии Скорпиона, расстояние небольшое, всего четыре тысячи эсве, и посмотреть хотя бы одним глазком на Мешок Привидения? Это очень интересная двойная звезда, окружённая волокнами азота, углерода и кислорода, у неё с десятков планет, и, возможно, на них есть вода, а следовательно – жизнь.

– Извините, сэр, планетарная туманность NGC 6153, о которой вы говорите, лежит далеко в стороне от нашей траектории.

– Жаль. Что ж, ждём первую остановку.

Шапиро принялся мурлыкать песенку и пить коктейль, пока голос капитана не напомнил пассажирам об обязанности привести кокон-кресла в походное положение.

Торжественных речей и прочих прощальных формальностей не предвиделось. Экспедицию готовили в жесточайшей спешке в связи с угрозой нового столкновения с неведомым Вирусом, и рейд «Непобедимого» к ядру Галактики должен был дать ответ на вопрос: есть у человечества союзники в борьбе с Вирусом или нет. Самое пикантное в этой ситуации (по мнению Шапиро) крылось в решении направить космолёт с контактной группой достаточно открыто, и не зная об этом агенты Вируса не могли. Но какое принимали уча-

стие в подготовке и какие цели преследовали, догадаться было трудно, на какую бы логику аналитики-люди ни опирались.

Легко, как пушинка, «Непобедимый» оторвался от дна кратера и пошёл вверх.

На самочувствии пассажиров и членов экипажа это не отразилось никак, внутри корабля поддерживалась почти земная сила тяжести.

Ухнули вниз купола вокзала и технических пристроек, фрактал антенны, склоны кольцевого вала кратера. За несколько секунд Луна из серо-серебристого, с чёрными тенями, плоского щита превратилась в сверкающую монету и начала уменьшаться на глазах, приобретая размер сверкающей пылинки. Капитан включил режим шпуга – двойного ускорения.

– Отсчёт старта, – прилетел в наушник голос Платона, сменяясь пульсацией метронома.

На счёте «ноль» «Непобедимый», отдалившись от родной планеты и её спутника на миллион километров, нырнул в «струну», и Шапиро перестал о чём-либо думать, привычно проваливаясь вничто небытия.

Сознание вернулось быстро, собрало распавшиеся на короткий миг нити ощущений и мыслей в единый поток, по костям черепа пробежала волна болезненного искривления.

– Сэр, тоник, пожалуйста.

Не открывая глаз, Шапиро нащупал губами трубочку ак-

тиватора, сделал пару глотков. Неприятная ломота в костях черепа прошла, голову пронзил освежающий ветерок. Он открыл глаза.

Вокруг космолёта простиралась в бесконечность глубокая чернота космоса, пронизанная колкими лучиками звёзд. Впереди – прямо напротив наблюдателя (так была настроена система обзора) – сияла красивая, сотканная из кисейно-световых вуалей туманность, занимая всю переднюю полусферу обзора. Это была биполярная планетарная туманность NGC 2346, известная астрономам под названием Бабочка. Она располагалась в созвездии Единорога на расстоянии в две тысячи триста световых лет и представляла собой расширяющийся газовый пузырь, получившийся после сброса газовой оболочки главной звезды – красного гиганта. А свою форму «крыльев бабочки» она получила в результате взаимодействия со второй звездой пары, находящейся практически рядом с первой; их разделяло расстояние всего в два миллиона километров, что было гораздо меньше радиуса орбиты Меркурия¹⁹.

Почему капитан, а может быть, начальник экспедиции, избрали этот район космоса для первой остановки корабля, Шапиро не знал, ему об этом никто не говорил, но систему Бабочки он разглядывал с покровительственным удовольствием, как эксперт, побывавший в местах, располагавшихся намного дальше, за пределами Солнечной системы и

¹⁹ Радиус орбиты Меркурия вокруг Солнца = 59,9 млн км.

Галактики.

– Платон?

– Да, сэр?

– Солнце и Бабочка отделяет две тысячи светолет?

– Две тысячи триста, сэр.

– Значит, мы сейчас видим туманность не ту, что видим с Земли, и не там.

– Разумеется, сэр.

– Она сильно изменилась за истекшие две с лишним тысячи лет?

– Ненамного, сэр. Диаметр вырос всего на пять а. е.²⁰ Газ и пыль сконцентрировались в волокнах наподобие кометных хвостов, но эти волокна, несмотря на уплотнение, не успели сформироваться в планеты.

– Спасибо, друг. – Шапиро переключил линию связи. – Тульпаан, сэр?

– Слушаю вас, Всеволод, – ответил начальник экспедиции.

– Что мы здесь делаем? Зачем понадобился такой крюк? Не проще было бы лететь сразу в глубь Стрельца, к ядру, а не к звёздам Единорога?

– Это реперная точка для проверки всех систем корабля и получения дополнительных инструкций от Службы безопасности.

²⁰ А. е. – единица измерения космических расстояний, равна среднему радиусу орбиты Земли – 149,5 млн км.

– Императив «СРАМ»?

– Нечто в этом роде, Всеволод.

– То есть полюбуемся на Бабочку и прыгнем к ядру?

– Запланирована ещё одна остановка.

– Где, если не секрет?

– Пока секрет, терпите, мы следуем всем рекомендациям господина Будриса, директора ФСБ.

– О, конечно, ему лучше знать, что следует делать. Вопрос последний: здесь мы надолго?

– Не больше часа.

– То есть я успею позавтракать в кают-компании?

– Не рекомендую. Следующая остановка будет более продолжительна.

– Благодарю за разъяснения, профессор. – Слегка разочарованный, Шапиро принялся потягивать коктейль и мурлыкать песенку про львёнка и черепаху. Он не был слишком деликатным человеком, но отвлекать экипаж, коллег по экспедиции и Платона больше не стал. Терпеть временное безделье он умел, погружаясь в свои мысли до полной потери реальности.

Час пролетел незаметно.

– Внимание, господа, – напомнил о себе инк. – Займите места и приготовьтесь к старту.

– Всеволод, как вы там? – вдруг спросил Люсьен Леблан.

– Нормально, – с запинкой ответил Шапиро, не сразу вспоминая, кто его окликнул. – А вы?

– Готовлюсь встретить ядерногалактических космитов, – рассмеялся француз. – Как вы думаете, нам удастся посидеть с ними за столом и распить бутылочку настоящего французского шампанского?

Шапиро развеселился.

– Вряд ли. Но я обещаю составить вам компанию. Какое вы взяли с собой шампанское?

– «Шателейн дю Презье».

– Никогда не пробовал.

– Шампанское из подвалов моего отца.

– Брют?

– Разумеется.

– Ловлю вас на слове.

Отсчёт закончился.

«Непобедимый» начал прыжок...

Вторую остановку спейсер сделал почти в самом ядре Галактики, всего в сотне световых лет от центральной чёрной дыры. Район этот назывался Квинтуплетом и вмещал несколько сотен звёзд разного класса, в том числе туманность Пистолет, сформировавшуюся вокруг одноимённой белой звезды класса О. Название же Квинтуплет скопление, открытое ещё в тысяча девятьсот девяностом году, получило благодаря пятёрке наиболее ярких звёзд, принадлежащих к самым энергичным и массивным звёздам Млечного Пути.

Об этом, кстати, и завёл спор Шапиро, когда пассажиры

собрались на ланч в кают-компании, после того как капитан «Непобедимого» объявил трёхчасовой отдых.

– Древние астрономы были больше романтиками, – заявил он, сидя за столом напротив Тульпаана Нтомбы, – чем трезвыми учёными. Пистолет всего лишь в сто двадцать раз массивнее Солнца, а её соседка шестидесятая Вэшка²¹ вообще только в сорок раз. Ко времени их открытия уже были известны более массивные и горячие звёзды.

– Какие, если не секрет? – заинтересовался Люсьен Леблан, также изъявивший желание присоединиться к компании вместе с остальными членами контактной группы.

– Двойная Вэфка в Тарантуле, – подумав, пожал плечами Шапиро. – Жук в Скорпионе. А двадцать шестой Вэстерлунд²² вообще в тысячу пятьсот раз больше Солнца! Я понимаю, что все эти объекты далеки от балджа, но они гораздо более экзотичны, нежели звёзды Квинтуплета.

– Во-первых, названные вами звёздные объекты и в самом деле далеки от окрестностей ядра, – снисходительно заметил Тульпаан, гладкое коричневое лицо которого казалось вырезанным из дерева. – Во-вторых, в нашу задачу никоим образом не входит изучение характеристик экзотических звёзд, к ним направят другие экспедиции, если возникнет такая на-

²¹ V 45 °Стрельца.

²² VF TS 352 в созвездии Тарантула, расстояние от Солнца – 160 000 св. лет. NGC 6302 Жук в созвездии Скорпиона, расстояние от Солнца – 4000 св. лет. W26 в туманности Westerlund 1 в созвездии Жертвенника, расстояние от Солнца 12 000 св. лет.

добность. И, в-третьих, Квинтуплет не так уж и прост, как вы утверждаете. В нём есть ряд красных сверхгигантов в десятки раз больше Солнца, а звезда Пистолет готовится стать Сверхновой, а то и Гиперновой, судя по её массе и размерам.

– Всё равно вокруг балджа и в самом ядре много более интересных звёзд, – упрямо возразил Шапиро. – Кто выбирал район остановки? Вы или федералы по безопасности?

Тульпаан перестал потягивать мокочинче, изобразил вежливую улыбку.

– Комитет по контактам. Я поддержал эту инициативу. Дело в том, что в Квинтуплете обитает одна из галактических рас, давно обменивающаяся информацией с другими галактоидами, но не позволяющая нашим коммуникаторам общаться с ней.

– Ах да, молчальники, – презрительно скривил губы Шапиро.

– Вообще-то мы называем их арчерами, в соответствии с латинским названием созвездия.

– Но они же не пропустили к себе аж две экспедиции, будто мы прокажённые!

– Три экспедиции, но не суть. В данный момент мы пытаемся связаться с ними с помощью спецпрограммы.

– Зачем? – удивился Шапиро, не заметив предостерегающего взгляда Леблана.

– Предлагаем партнёрство для контакта с Великим Кольцом галактоидов в ядре Млечного Пути. Вместе добиться ре-

зультата будет намного легче.

– Но ведь даже если арчеры ответят, – скептически проговорил Леблан, – сам контакт с ними займёт длительное время, не дни – месяцы.

– Мы не собираемся начинать с ними обмен делегациями, знаниями, технологиями и так далее, – сказал горбоносый коллега Тульпаана, сидевший рядом с ним, Шапиро знал только его фамилию – Кляйман и что он известный ксенолог. – Наша задача – объяснить им ситуацию с Вирусом и уговорить действовать против него сообща. Остальными делами займётся практическая комиссия Комкона.

– Если мы сможем договориться сейчас?

– Абсолютно верно.

– Вы думаете, есть шансы?

– Дело в том, – заговорил ещё один коллега Тульпаана, ксенопсихолог Том Чаун, – что грядущий взрыв Пис-толета, превращение звезды в сверхновую угрожает всем звёздам скопления, и на фоне угрозы исчезновения мы хотим предложить арчерам помощь в создании защиты от взрыва.

– Это каким же образом? – скептически спросил Леблан.

– Неужели с помощью Бомбы Хаоса? – хохотнул Шапиро.

Сидевшие за столом члены экспедиции переглянулись, оставаясь серьёзными. Тульпаан Нтомба улыбнулся.

– Ну, не Бомба, конечно, кое-что попроще, но вы мыслите в правильном направлении. Мы обладаем технологиями, которые вполне могут заинтересовать арчеров.

– Ну-ка, ну-ка, поделитесь.

– Технологией создания МК²³, к примеру. – Том Чаун посмотрел на босса, и африканец добавил, лучась морщинами:

– Технологии «нульхлопов». Год назад на Кеплере были произведены испытания нового генератора свёртки пространства – «большого нульхлопа». Параметры генератора таковы, что с его помощью, в принципе, можно резко снижать активность звёздных ядер. Мы надеемся, что арчеры заинтересуются проектом.

Шапиро покачал головой, собираясь высказать свою точку зрения, но поймал косой взгляд Леблана и поднял вверх стакан с морсом, будто предлагал тост:

– За успех безнадёжного дела, господа! Прошу прощения за отсутствие шампанского. Если ваш план выгорит, обещаю всех пригласить в ресторан!

* * *

Скептицизм Шапиро, да и Люсьена тоже, оказался оправданным. На призывы «Непобедимого», проходившего краем Квинтуплета, не ответила ни одна звезда скопления, к какой бы ни посылал контактный луч – «пакет суперструн» экипаж корабля.

²³ МК – мини-коллапсар, аккумулятор вакуумной энергии.

В Комконе заранее определили список звёзд, у которых предполагалось наличие цивилизации арчеров, наметили порядок их оповещения, уточнили давно разработанные программы контакта, однако всё было напрасно. Арчеры не желали общаться с землянами.

Наверняка они ловили передачи и слышали призывы, усиленные картинками гибели цивилизации «пылевиков», и тем не менее не откликнулись ни на один информационный посыл.

Среди членов экипажа зародилось предположение, что арчеры не владеют «суперструнными» технологиями и поэтому не слышат и не могут ответить в том же духе. Но ксенологи Тульпаана отвергли предположение как не соответствующее тенденциям уровня, достигнутого цивилизацией арчеров: существа, трижды *развернувшие*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.